

СРЕДНЯЯ НОВЫЕ АЗИЯ КООРДИНАТЫ

Сборник статей под редакцией М. А. Колерова
Составитель М. Д. Пак

Издательский Дом
РЕГНУМ
Москва 2013

УДК 327(51+574)(08)
ББК 66.4(543), 03я4
С 75

С 75 Средняя Азия: новые координаты / Сборник статей под редакцией М. А. Колерова. Составитель М. Д. Пак. М., 2013. 68 с.
ISBN 978-5-91887-025-9

УДК 327(51+574)(08)
ББК 66.4(543), 03я4

Издательский Дом «Регнум»

115088, Москва, 2-й Южнопортовый проезд, 16, стр. 1, офис 227
www.ridr.ru

Подписано в печать 13.05.2013. Формат 60×90 1/16.
Гарнитура Arno Pro. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 4,25. Тираж 300 экз.

Отпечатано в цифровой типографии «СМУК» (ООО «ЦМИК»)
150014 Ярославль, ул. Победы, 51, корп. 2, офис 51; тел.: (4852) 200-121
www.yarcmuk.ru

ISBN 978-5-91887-025-9

© М. Д. Пак, составление, 2013
© М. Колеров, текст, 2013
© М. Шибутов, текст, 2013
© М. Пак, текст, 2013
© К. Рахимов, текст, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Модест Колеров.

Новые координаты Средней Азии:
предисловие издателя..... 5

Марат Шибутов.

Казахстан и Средняя Азия — ведущий регион
добычи урана 12

Михаил Пак.

Основа для сепаратизма на Западе Казахстана..... 24

Кубат Рахимов.

Инфраструктурные проекции геополитики
в Центральной Азии. Возвращение России..... 47

RUSSIA

KAZAKHSTAN

CHINA

AFGHANISTAN

PAKISTAN

INDIA

Arabian Sea

URAL MOUNTAINS

URAL

ALTAY

Caspian Sea
(lowest point in Europe, -28 m)

Aral Sea

Lake Balkhash

GEORGIA
ARMENIA
AZERBAIJAN
Yerevan

IRAQ
Baghdad

SAUDI ARABIA
Riyadh

YEMEN
Sanaa

DJIBOUTI
Djibouti
Gulf of Aden

Socotra (YEMEN)

RUB' AL KHALI

Persian Gulf
BAHRAIN
Manama
QATAR
Doha
ABU DHABI
Abu Dhabi

IRAN
Tehran

TURKMENISTAN
Ashgabat

UZBEKISTAN
Tashkent

KYRGYZSTAN
Bishkek

TAJIKISTAN
Dushanbe

Indian claim

Chinese line of control

Lahore

New Delhi

Kanpur

Mumbai (Bombay)

Hyderabad

Bangalore

Chennai

Модест Колеров

НОВЫЕ КООРДИНАТЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ: ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Издатель настоящего сборника понимает под именем *Средней Азии* современный аналог Туркестана периода Российской империи, за исключением особо прославившегося при Сталине Восточного Туркестана, ныне составляющего Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая: Туркмению, Казахстан, Узбекистан, Киргизию и Таджикистан. Во времена СССР — после административно-территориального размежевания Туркестана в 1920-е гг. и нескольких волн экономического районирования — в ходу была устойчивая терминологическая пара: «Казахстан и Средняя Азия», которая демонстрировала их историческое единство, несмотря на удобства бюрократического пространственного планирования. Но теперь — и особенно ясно это произносится в регионе — всё больше аргументов в пользу того, чтобы отнести Казахстан к географически, исторически, энергокоммуникационно, эконом-политически единой с ним Средней Азии, не настаивая на экспериментальных разделениях и на умозрительном включении страны в ставшее сугубо политическим и конструктивистским понятие *Центральной Азии*. Недавний эфемерный проект киргизского президента Бакиева по созданию «Центральноазиатского союза» Киргизии и Казахстана пародий-

но лишь подчёркивал инструментальный характер этой терминологической новации. Ведь после распада СССР — в поисках своей новой легитимности — большинство советских специалистов с готовностью отказалось от советской географической терминологии, присягнув принятому на Западе более геополитическому, нежели геоэкономическому, и более проективному, нежели реально содержательному понятию *Центральной Азии*, в актуальности точнее всего совпадающему с театром и ответственностью Центрального командования США (US CENTCOM). Терминологическая капитуляция экспертов носила бы более осмысленный характер, если бы они в полной мере отдавали себе отчёт в том, что такого рода географическая терминология является концентрированным выражением исторической картины мира и одновременно — актом конструирования пространства. Она часто безошибочно указывает на культурный и политический источник географического языка, ту реальность, которую строит или переживает носитель этого языка. И тем более очевидно, что терминологические эпигоны оказываются здесь не просто учениками, но и инструментами «географических метрополий». Одноактно сменить *Среднюю Азию* на *Центральную* с научно-исторической точки зрения нельзя, не делая политический выбор: следование собственной, внутренней картине мира (Исторической России и Туркестана) — или отказ от неё в пользу манипулятивного конструкта в интересах тех, кто извне и издалека описывает регион как свою цель.

Подобная терминологическая история произошла с одноактным переименованием традиционного для русской и советской науки, постимперских государств и СССР, — *Закавказья* — в *Южный Кавказ*, исходной точкой зрения на который становится условный Запад, но более всего — предельно конкретная Турция. При этом применяется легко видимая уловка: «вашему» (советскому и российскому) Северному Кавказу сопоставляется «наш», антиимперский *Южный Кавказ*, каковой на деле терминологически оказывается не меньшим объектом воздействия, чем опровергаемое Закавказье. Но с одной существенной исторической раз-

ницей: Закавказье в конце 1910-х, в 1920-е и в 1930-е годы для всех постимперских государств (кроме созданной Великобританией и Турцией «Юго-Западной Кавказской республики») было добровольно и сознательно принято как исходное терминологическое лоно для всех их — советских и антисоветских — политических проектов. Кроме того, в практике советского русского языка лишь в середине 1920-х годов естественное *Закавказье* историческое «Предкавказье» было вытеснено бюрократическим «Северным Кавказом». Так «западный» *Южный Кавказ* (как и *Центральная Азия*) на деле не отвечает исторической специфике региона, а лишь инструментализирует актуальную борьбу против наследия СССР, но борьбу не новых национальных государств, а их внешних координат и координаторов.

Ясно, что для науки подмена исторического взгляда и точки зрения собственных национальных интересов, упакованная в топонимику, всегда связана с качеством знания. Так, в Молдавии и Бессарабии можно было, борясь против великой русской культуры и историографии, заменять историческое *Приднестровье* румынской *Транснистрией* (то есть всего лишь «Заднестровьем»), но нельзя было одновременно и в силу этого избежать тех политических обременений, которые следуют за этой географической изменой: нельзя избежать терминологического обслуживания истории этой *Транснистрии* — геноцидной истории союзной Гитлеру румынской оккупации новороссийской части Украины и территории современного Приднестровья под именем «губернаторства Транснистрия», части проекта «Великой Румынии» до Днепра.

Так и *Центральная Азия* принуждает своих терминологических адептов следовать уже не имени, а практике западной политики и науки, — в противоречие с историей и практикой Туркестана — сопутствующим такому виртуальному ландшафту, достаточно мощному, чтобы — как это происходит в ходе «арабской весны» — уничтожать государства, но абсолютно ничтожному, чтобы создавать хотя бы подобия устойчивых государств. Политические и конфликтные обязательства «западной» *Центральной Азии* подразумевают включение её целиком в передовой фронт

новой «шахматной доски» США — атакующий край известных «глобальных Балкан от Косово до Синьцзяна», превращение этой *Центральной Азии* в расходный материал войны против или, как минимум, сдерживания Китая. Именно поэтому на «шахматной доске» глобуса *Центральной Азии* — традиционный Туркестан, Средняя Азия, мучительно балансирующая под грузом своих проблем, грубо, провокационно, искусственно дополняется чуждыми ей, но уже взрывающимися как страновые «ядерные заряды» Афганистаном и Пакистаном, дорисовывается «географами в штатском» за счёт контролируемой США Монголии и мишени США — китайского Синьцзяна.

При таком именовании, при таком «лице смерти», проступающем в западной топонимике региона, устремляющем его в топку конфликта с Китаем, — всё умное и живое в Средней Азии и на Среднем Востоке должно было бы бежать от перспективы вербовки его в полки *Центральной Азии*, в распоряжение CENTCOM... Но нет: перспектива, казалось бы, лишь географического изнасилования пользуется не критичной и слепой экспертно-политической поддержкой в России и в регионе.

Центральная Азия переориентировала судьбу Средней Азии в направлении Китая. Это — новые её координаты, к какому бы итогу ни пришли её отношения с Китаем: фронту, протекторату, неравному браку в рамках ШОС, зыбкому миру от имени возможного Евразийского Союза.

Но прежде чем Евразии предстоит сполна осознать и ощутить новые, китайские координаты Средней Азии, в логике её современного развития вновь обнаруживаются, претерпевают второе издание исторические факторы, лишь на время погашенные для внешнего влияния и вмешательства силами Российской империи и СССР. Вовсе не попытки реинтеграции и не фактор пограничной незащитности Средней Азии, а с ней — и России, перед миграционным, наркотическим и террористическим дыханием Юга, — **не межрегиональные связи, а новые внутрирегиональные узлы** формируют образ локального будущего, который в России и в регионе только начинает осознаваться. Сепаратизм,

борьба за ресурсы, ориентирование коммуникаций как выбор стратегии национального развития — эти факторы вновь формируют повестку дня, но уже в иных координатах, которые нельзя свести к историческим паттернам.

Например, сепаратизм Западного Казахстана подобен сепаратизму испанской Каталонии, ибо одновременно опирается на мощную экономическую основу и особую региональную идентичность. Но кто теперь, когда Каспийское море перестало быть внутренним и закрытым, и — усилиями самого Казахстана, Азербайджана и Туркмении в борьбе против усилий России и Ирана — интернационализировано при участии США, — кто теперь скажет, что это «внутреннее дело», и будет отрицать, что **каждый** шаг Западного Казахстана к автономизации порождает не только внутриказахстанские угрозы. Понятно, что субэтническая мобилизация части казахского народа почти автоматически приведёт к мобилизации многочисленной казахской диаспоры в сопредельных российских регионах по всему северному периметру Казахстана — от Астраханской до Кемеровской областей России. Но ещё более важным будет то, что уже на интернационализированном Каспии появится новый, шестой локальный игрок, самым фактом своего существования равный всем каспийским державам и потому особенно интересный внекаспийским энергетическим и военным интриганам.

А сепаратизмы населённого узбеками севера Таджикистана и юго-запада Киргизии станут (при резко растаявшей ещё недавней сдержанности Узбекистана) актом не ирредентизма, а практической ликвидации централизованных государств в Киргизии и Таджикистане, их раздела между соседями. Одновременно даже малый вооружённый конфликт между Узбекистаном и Казахстаном, к которому соседи на всякий случай готовятся все годы своей независимости, не только создаст угрозу оперативного расчленения Казахстана, но и надолго сделает невозможной его космическую деятельность.

В последние годы европейские (государственные или корпоративные) разведки не случайно приняли фундаментально

изучать Среднюю Азию на предмет опыта и перспектив добычи урана и захоронения отходов его добычи. Известны легендарные под экологические и исторические исследования программы изучения советского опыта и современного состояния отрасли в Казахстане и Киргизии. Нет сомнения, что такого же рода проекты не встречают никаких препятствий в Таджикистане. Можно предполагать, что такие проекты являются предметом высших переговоров в Узбекистане. При этом примечательно, что страны происхождения названных разведывательных программ никак не связаны со странами происхождения инвесторов, уже действующих в урановой отрасли, например, Казахстана. К чему может привести эта «диверсификация» в будущем и как она связана с перспективами автономизации Западного Казахстана, можно только предполагать.

Свершившаяся энерготранзитная «привязка» Туркмении, Узбекистана и Казахстана к потребителям энергоресурсов в Китае сопровождается принципиальными решениями о направлениях транспортной «привязки» к Китаю Киргизии, Узбекистана и в последнюю очередь Таджикистана. Нет никаких сомнений в том, что такая, с отраслевой точки зрения, «двухканальная» система связи Средней Азии и Китая уже сейчас намертво привязывает ресурсы региона к его восточному соседу, а сам регион окончательно превращает в территорию колониального сбыта китайской продукции, произведённой, в том числе, за счёт названных региональных ресурсов. Таким образом выстроенная экономическая взаимозависимость в будущем делает Китай экономической метрополией региона. Как это обстоятельство в принципе может быть согласовано с выстраиваемой в регионе силами США и НАТО «северной сети поставок» в Афганистан и «северной сети обороны» от Афганистана, перпендикулярных энерготранзитным каналам из региона в Китай, — вопрос к суверенным властям государств Средней Азии. Категорически не имеющий удовлетворительного ответа. В неизбежной, но оттого не менее «шизофренической многовекторности» такого расположения Средней Азии точно в прицеле, в точке пересечения НАТОвской

«вертикали» с китайской «горизонталью» — не может не быть осознанного замысла внешних для региона держав. Но каков этот замысел для России и Средней Азии?

Историческая судьба Туркестана для России как её «подбрюшья» в намеченных координатах должна быть осознана в иных категориях. И мне всё больше кажется, что вслед за уходом России из региона, затем миграцией оттуда славянского и русскоязычного населения, затем — вслед за многомиллионной миграцией на север огромной доли трудоспособного населения «титულных» народов региона, конфликтное будущее поставит исторически связанные народы России и Средней Азии перед **угрозой вытеснения и изгнания их всех вместе на север**, к тем северным рекам, которые экологические авантюристы в СССР хотели вернуть на засушливый юг.

Теперь к этим северным рекам России сама идёт навстречу государственная, историческая и человеческая засуха и нужда.

Марат Шибутов

КАЗАХСТАН И СРЕДНЯЯ АЗИЯ – ВЕДУЩИЙ РЕГИОН ДОБЫЧИ УРАНА

Казахстан и Средняя Азия в глобальном смысле интересны только в двух аспектах:

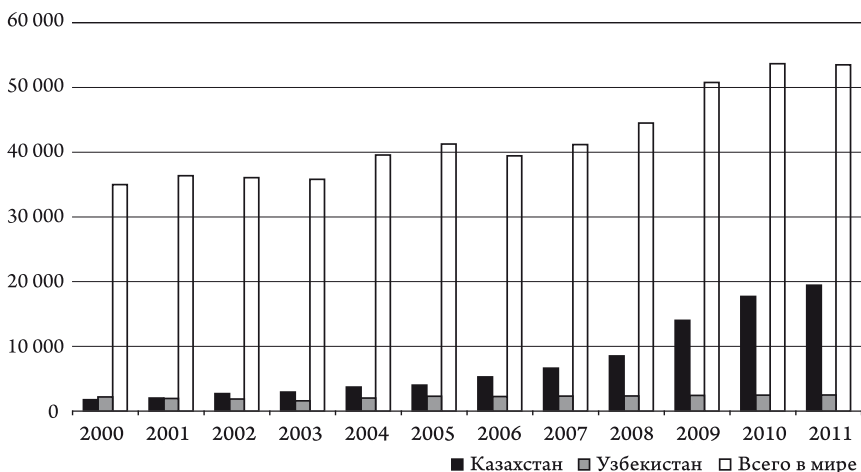
1. Как приграничная территория для России, Китая, Южной Азии.
2. Как источник сырья и энергоресурсов. При этом больший упор идёт именно на энергоресурсы.

Правда, в прессе акцент делается на газ и нефть, как наиболее прибыльные энергоресурсы, но надо отметить, что в общем производстве как нефти, так и газа, регион даже с учетом освоения месторождений шельфа Каспия не играет существенной роли. То же самое и с углем. Но есть один энергоресурс, который играет крайне важную роль в мировой энергосистеме, — это уран. Казахстан и Средняя Азия, а точнее — Казахстан вместе с Узбекистаном, являются ведущими производителями урана. В большей части это, конечно, за счет Казахстана, который уже несколько лет является ведущим мировым производителем урана. Но Узбекистан является 7-м по размеру производителем урана и имеет хороший потенциал для роста добычи.

Ниже приведены объёмы добычи урана в мире и в Казахстане с Узбекистаном. Хотя объём добычи в Узбекистане находится в стагнации и даже падает (в начале 1990-х было 3 000 т, а сейчас

около 2 500 т), Казахстан с 2006 года усиленно наращивает добычу — с 2000 года по 2011 добыча выросла в 11 раз¹.

Добыча урана, т

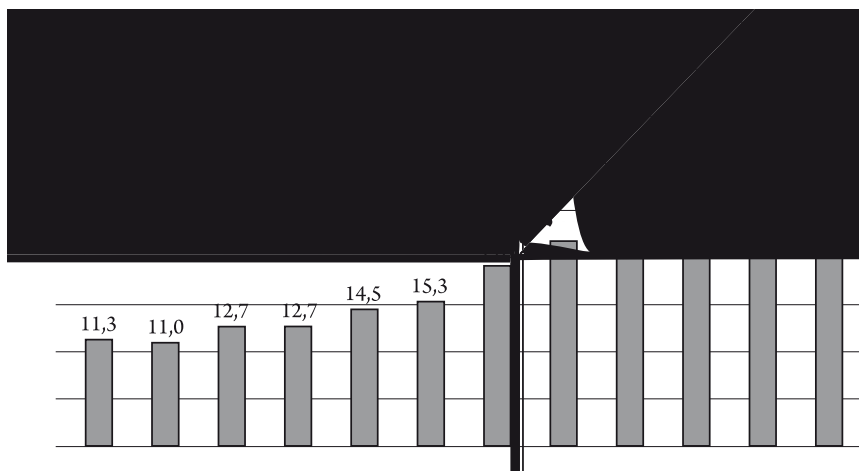
Если же подсчитать совместную долю Казахстана и Узбекистана в мировой добыче, то получается, что в 2007 году они вместе перешагнули критически важную отметку в 20% мировой добычи, а с 2011 году уже добыли 41% от мировой добычи, что делает регион ключевым для атомной промышленности.

Это что касается добычи. Если взять запасы, то возникает немного другая картина. По данным World Nuclear Association на 2011 год, запасы урана стоимостью разработки ниже 130 долларов за кг в мире составляют 5 327 200 т, из них на Казахстан приходится 629 000 т, а на Узбекистан 96 200 т². Получается, совместная доля Казахстана и Узбекистана составляет 13,6%, что ниже их доли по добыче. Однако надо отметить, что основные запасы урана в этих странах сосредоточены в песчаниках и удобны для добычи методом подземного выщелачивания, что делает освоение крайне быстрым (3–4 года от контракта до добычи) и очень низким по себестоимости.

¹ <http://www.csef.ru/index.php/ru/component/csef/project/-/-/?id=2079>; Синергетический атлас Казахстана 2011

² http://opinion-planet.com/index.php?option=com_content&view=article&id=155

Доля Казахстана и Узбекистана в мировой добыче урана, %

В связи с атомным ренессансом эти обстоятельства делают регион крайне важным для атомной промышленности, особенно после 2020 года.

Атомный ренессанс

Потребности АЭС в уране до 2030 года будут только расти, и есть проблема, что добыча урана их не будет покрывать. Сейчас данный зазор ликвидируется за счёт превращения в топливо российского оружейного урана, но в 2013 году этот источник иссякнет.

Развитие атомной отрасли в мире

Показатели развития отрасли	2010	2030
Количество энергоблоков	440	823
Реакторные потребности в уране, т	68 000	104 000
Добыча урана, т	54 000	100 000
Дефицит урана, т	—	20 000
Сырьевая база компаний, т	5 000 000	3 200 000

Надо отметить, что дефицит урана не сможет покрываться больше за счёт высокообогащённого оружейного, так как в мире наблюдается заодно и гонка вооружений и расширение ядерного арсенала стран Третьего мира. Таким образом, цены на уран и потребность в нем будут расти, и расти существенно.

Современное состояние атомной отрасли региона

После развала СССР довольно развитая атомная отрасль региона первоначально пришла в упадок и было разрушено большинство действующих хозяйственных связей с другими частями некогда единого советского комплекса Минсредмаша. Поэтому в дальнейшем пути развития её в разных странах крайне отличались друг от друга. Разным стало все:

- приоритетность отрасли для государства;
- допуск иностранных инвесторов;
- стратегия и цели развития отрасли;
- доля государства в ней;
- технологическое развитие.

Описание развития урановой отрасли в странах дано по открытым источникам.

Кыргызстан

С 1907 по 1970-е годы месторождения радиоактивных руд и минералов Кыргызстана около 100 лет служили в качестве единственных источников радиевого и уранового сырья в дореволюционной России, а затем из руд этих месторождений был получен первый советский радий. Начиная с середины 1950-х годов Кыргызстан был крупнейшим производителем урана в бывшем Советском Союзе. Месторождение Майлуу-Суу и горно-химическое производство, размещённое здесь же, играли при этом важнейшую роль. Ежегодно в республике добывалось порядка 3 000 т U₃O₈. Однако себестоимость производства была крайне высокой, и поэтому, когда были найдены месторождения в Казахста-

не и Кыргызстане, кыргызстанские месторождения (Майлуу-Суу, Шекафтар и Кызыл-Джар) были законсервированы. Сейчас добыча урана в Кыргызстане не ведётся.

В настоящее время есть перспективные месторождения:

- Кызыл-Омпольская группа ураноториантовых россыпей и урановое месторождение Кок-Мойнок (запасы урана — 20 тыс. т, тория — свыше 50 тыс. т);
- Камушановское месторождение (с установленными запасами 297 т U (0,031% U) и предполагаемыми 362 т U);
- Сарыджазское месторождение 8 222 т (при среднем содержании урана 0,022 %);
- Серафимовское месторождение.

Единственным перерабатывающим предприятием является Карабалтинский горнорудный комбинат, введенный в строй в 1955 году. В период максимальной загрузки на предприятии производилось до 3 тыс. т закиси-окиси урана. Предприятие было сориентировано на добычу и переработку урановых руд, но с годами на комбинате осваивается производство молибдена, вольфрама, олова, золота, серебра, баритов, выпуск буровых станков, средств индивидуальной защиты органов дыхания.

Крупнейшим акционером комбината и управляющей компанией является ГК «Ренова», (владеет 72, 28% акций ОАО «КГРК»).

В структуру производственного комплекса ОАО «Карабалтинский горнорудный комбинат» входят:

- гидрометаллургический цех;
- центральная научно-исследовательская лаборатория;
- службы главного механика, главного энергетика, главного прибориста;
- железнодорожное управление;
- автотранспортный участок.

В 2007 году ОАО «Карабалтинский горнорудный комбинат» (ГРК) подписало контракт с казахстанско-российско-киргизским предприятием «Заречное» о поставках уранового концентрата

для последующей переработки. Комбинат также зависит от поставок из Казахстана серной кислоты.

Таджикистан

В период с 1945 года по 1993 год в Таджикистане велась разработка месторождений и переработка урановых руд на Ленинабадском горнохимическом комбинате (сейчас государственное предприятие «Востокредмет»), на севере Таджикистана велась добыча урана в районах города Чкаловска, города Табошар и поселка Адрасман. В настоящее время добыча урана не ведётся. В результате деятельности предприятий по добыче урана образовалось около 170 миллионов пустой породы и хвостохранилище с радиоактивными отходами объёмом 55 миллионов тонн и суммарной активностью 6,5 тысячи Кюри. Сейчас хвостохранилище представляет экологическую угрозу для всего региона, так как находится в верховьях рек.

В настоящее время «Востокредмет» выпускает чистую пятиокись ванадия из нетрадиционных видов сырья, облицовочные плиты и другие изделия из природного камня, аффинирует золото и серебро, добываемые в Таджикистане, создало технологические линии по производству высокочистого марганцевого концентрата и по очистке вольфрамсодержащего концентрата от вредных примесей. Хотя и после 1993 года периодически перерабатываются партии урансодержащего сырья, поступающего из Казахстана, мощности всё же простаивают.

Относительно возможной добычи урана существуют разные мнения:

1. Сверхоптимистичное — в Таджикистане в гранитоидах и других горных породах сосредоточено 14–40% от общего количества мировых запасов урана. Правда, эти данные пока разведкой не подтверждаются и также надо учесть, что концентрации урана могут быть крайне низкими, а условия добычи в высокогорье — очень тяжёлыми. В общем, таджик-

ский большой уран — это как лунный гелий-3: вроде бы он есть, но сколько и как его достать, непонятно.

2. Оптимистичное — сейчас в Таджикистане есть несколько уранорудных месторождений на севере, востоке и в центральной части страны: это районы Моголтау-Кармазара, Гиссаро-Каратегина и Памира. Также в центральной части республики открыто более шестидесяти рудных полей и пять месторождений, которые необходимо тщательно обследовать. Уникальным также является расположенное на Памире озеро Сасык-куль, вода которого содержит большое количество следов присутствия урана.
3. Рациональное — ну а наиболее простым способом добывать уран в Таджикистане является переработка отвалов 55 млн т радиоактивных хвостов от урановой руды.

Надо отметить, что расположение месторождений в гранитах и крайне сложные условия добычи делают Таджикистан неконкурентоспособным по отношению к Казахстану и Узбекистану. Но таджикские власти, тем не менее, надеются найти побольше месторождений и подтвердить запасы. Недавно была создана специализированная экспедиция по поиску радиоактивного сырья. Интерес к урану проявляют китайцы, россияне и французы.

Туркменистан

В настоящее время о запасах урана в Туркменистане достоверно не известно. Добыча урана не ведётся.

Узбекистан

В Узбекистане подтверждённые запасы урана в 2009 году составляли:

- дешевле 80 долларов/кг — 86 200 т,
- дешевле 130 долларов/кг — 114 600 т,
- дешевле 260 долларов/кг — 144 600 т.

Они распределены по 40 месторождениям с большими запасами урана, основу же узбекской урановой базы составляют 20 месторождений, находящихся в пустыне Кызылкумы. Добычу урана ведут 4 комбината: «Учкудук» в Северном горнорудном районе с месторождениями «Учкудук» и «Кендекьюб» ресурсами в 51 000 т; «Зарафшан» с Сагрельским месторождением в 38 000 т; «Зафарабад» в Центральном горнорудном районе с месторождениями: Северный и Южный Букинай, Бешкак, Лювлюкан, Тохумбет в 52 000 т; «Нурабад» в Южном горнорудном районе с месторождениями Самирсай, Кетменчи, Шарк, Улус с запасами в 13 000 т. Есть около 10 перспективных урановых площадей. Добыча переходит на метод подземного выщелачивания, что снижает затраты. Максимальная добыча в советский период была около 3 800 тонн в год, а сейчас она снизилась до 2500 т в год.

Переработка производится на Новойском горно-металлургическом комбинате³. Поставки закиси урана идут на мировой рынок — в основном их покупают американские фирмы. Более высоких технологий у Узбекистана нет. Надо, кстати, отметить, что НГМК также выпускает золото, что делает его одним из самых главных стратегических предприятий Узбекистана.

Ключевой проблемой Узбекистана является невозможность пока нарастить добычу (её вполне можно увеличить до 5000 т в год) и получить технологии для более высокого передела урановой продукции.

Казахстан

В Казахстане подтвержденные запасы урана в 2009 году составляли:

- дешевле 40 долларов/кг — 44 400 т,
- дешевле 80 долларов/кг — 475 500 т,
- дешевле 130 долларов/кг — 651 800 т,
- дешевле 260 долларов/кг — 832 000 т.

³ <http://www.ngmk.uz>

Урановые месторождения в Казахстане сосредоточены в 6 ураноносных провинциях. Известные урановые месторождения в Казахстане делятся на две группы: эндогенные месторождения в домезозойских образованиях (включающие Североказахстанскую и Балхашскую ураноносные провинции) и экзогенные месторождения в мезозойско-кайнозойских остаточных образованиях (включающие Чу-Сарысуйскую, Сырдарьинскую, Илийскую и Каспийскую ураноносные провинции). Надо отметить, что многие месторождения находятся в песчаниках и добыча в них идёт с помощью подземного выщелачивания, делая казахстанский уран одним из самых дешёвых в мире.

Добыча ведётся на следующих месторождениях:

Месторождение	Запасы, т	Макс. добыча, т/год	Доля Казатомпрома, %	Партнёр
Ақдала и Инкай (участок 4)	38 230	3 000	30	Россия, Канада
Буденовское (участки 1, 3, 4)	25 100	3 000	50	Россия
Буденовское (участок 2)	16 929	2 000	50	Россия, Канада
Инкай (участки 1–3)	159 600	4 000	40	Канада
Канжуган	20 434	550	100	
Моинкум (участок 2 Торткудук и участок 1 Южный)	58 038	4 000	49	Франция
Мынкудук (центральный участок)	49 625	500	100	
Мынкудук (восточный участок)	18 269	1 000	100	
Мынкудук (западный участок)	24 845	1 000	65	Япония
Уванас	6 017	300	100	
Ирколь	29 143	390	51	Китай

Северный Харасан (участок 1)	34 340	3 000	30	Россия, Канада
Северный Харасан (участок 2)	24 824	2 000	5	Япония
Южный и Северный Карамуруны	28 413	1 000	100	
Заречное и Южное Заречное	18 694	1 000	49,67	Россия,
Семизбай	17 108	390	51	Китай
<i>Всего</i>	<i>569 609</i>	<i>27 130</i>		

Максимальная добыча в Казахстане будет примерно после 2017 года и составит 27 130 т. Однако эта цифра может быть больше за счёт ввода новых месторождений. Доля НАК «Казатомпром» в добыче может достигать 12 854 т. После Казахстана наибольшую долю будет иметь Россия (особенно когда полностью выкупит акции Uranium One Inc, и если учесть, что «Карабалтинским комбинатом» владеет российская «Ренова») — 7203 т. Затем будет идти Канада — 2 400 т, Япония — 2 250 т, Франция — 2 040 т, Китай — 333 т.

В Казахстане также 2 мощных предприятия, перерабатывающих уран, — Степногорский горно-химический комбинат и Ульбинский металлургический завод. Последний, помимо топливных таблеток, вскоре начнёт также производить топливные сборки совместно с французской «АРЕВА» и будет перерабатывать оружейный уран в топливо совместно с канадской «Самесо».

Из-за радиофобии населения, которая затрагивает даже государственный аппарат, перспективы строительства АЭС крайне туманны, хотя имеется подготовленная площадка и обученный персонал, работавший ранее на БН-350.

Надо отметить, что в Казахстане бурно начинает развиваться отрасль по добыче редкоземельных элементов — запущен уже один завод совместно с японцами, и готовится аналогичный проект с немецкими фирмами.

Выводы

Подводя итоги, можно сказать, что в регионе с атомной отраслью сложилась следующая ситуация.

Наиболее развитая атомная отрасль в Казахстане — практически, она во многом превзошла советский уровень — особенно по добыче урана. Широкое вхождение в атомную отрасль страны иностранных компаний и грамотный менеджмент позволили вырваться в мировые лидеры и даже в некоторой степени получить новые технологии.

Атомная отрасль Узбекистана находится в стагнации — хотя освоена технология подземного выщелачивания, но добыча урана падает, и разведки новых месторождений нет. Иностранные инвесторы в страну не допускаются. В целом, Узбекистан — это страна с нереализованным потенциалом в атомной отрасли.

В Таджикистане и Кыргызстане атомная отрасль, за исключением перерабатывающих предприятий, практически умерла. Несмотря на радужные прогнозы, шансов, что снова начнётся масштабированная добыча урана, ждать не приходится. Максимально, на что они могут рассчитывать — на переработку казахстанского сырья, в случае если казахстанские предприятия не будут справляться.

Геополитическое значение и прогнозы

В ближайшем будущем Казахстан и Узбекистан будут сохранять свои позиции на рынке урана. Их суммарная доля в мировой добыче не будет опускаться ниже 35–40%, что говорит о том, что их влияние на рынок будет очень сильным. При желании, они смогут нарастить добычу до 45–50% рынка. Ближайшим их соперником может стать только Монголия.

Их ресурсы будут весьма востребованы, так как добыча является дешёвой и освоение месторождений может быть произведено в короткие сроки (3–5 лет в Казахстане). Поэтому страны с дефицитом топлива для своих АЭС (Россия, Китай, Япония, Франция)

будут заинтересованы в доступе к ним, что повлияет на отношения Казахстана и Узбекистана с этими странами.

Основным вопросом развития урановой отрасли региона будет вопрос допуска Узбекистаном иностранных компаний к добыче урана и вопрос развития производства топливных таблеток и топливных сборок в Казахстане (какая доля добываемого урана будет перерабатываться там).

Михаил Пак

ОСНОВА ДЛЯ СЕПАРАТИЗМА НА ЗАПАДЕ КАЗАХСТАНА

Введение

Пожалуй, нет в новейшей истории современного Казахстана события занятнее бунта нефтяников в Жанаозене 16–17 декабря 2011 года⁴. Важнее — случались. Занятнее — однозначно нет. И дело здесь не в истерии, которая позже получила распространение среди части граждан, называющей себя «демократическим сообществом». И даже не в масштабах трагедии — она, безусловно, велика, — если вообще возможно придумать меру измерения человеческого горя. Но дело здесь вовсе не в этом. А вот в чём.

События в Жанаозене — это не только голодный бунт нефтяников, не «чёрная пятница», плавно перетекшая в «кровавое воскресенье». Восстание в Мангистауской области Казахстана — это самое первое громкое выступление родоплеменной элиты запада республики. А по факту — заявивший о себе громко региональный сепаратизм.

Оговоримся сразу: автор не претендует на истину в последней инстанции, но претендует на некоторую исследовательскую глубину. Ниже будут перечислены факты и явления современной

⁴ <http://regnum.ru/news/1480921.html>

казахстанской политики и экономики, а также некоторые сугубо социальные явления. Наша основная задача — попытаться разобрать ситуацию, взглянув на неё под иным, нежели предлагает официальная, а также англосаксонская пропаганда, углом зрения. Без этого, по нашему глубочайшему убеждению, разобраться в событиях, которые будут сопровождать любое политическое выступление западных регионов республики, не представляется возможным.

Жанаозен — некоторые предпосылки трагедии

Нет нужды, на наш взгляд, вдаваться в подробности самого бунта, в ходе подавления которого силы правопорядка использовали боевое оружие. Тем, кто ждёт от авторов этой статьи оценки правомочности его использования, равно как и правового заключения по факту стихийных беспорядков, поясним — этими вопросами должны заниматься правове­ды. Нас же интересует сама суть события, глубинные причины, побудившие нефтяников сначала выйти на площадь весной 2011 года, а затем, спустя полгода, разжечь пламя из искры — по состоянию на момент выступлений ситуация уже была раскалена до температуры горения нефти. Но при этом сегодня, когда на устах у многочисленных комментаторов лишь кровавые результаты этого бунта, мало кто вспоминает предтечу конфликта. А суть её проста: забастовщики озвучили недовольство региональной родоплеменной элиты, но удержать ситуацию под контролем никто не сумел.

Но чтобы разобраться в сущности региональных элит и их возможностях влиять на социальные процессы, необходимо вспомнить некоторые явления из новейшей истории республики.

Ещё с ранних лет независимости этот регион — совокупность четырёх областей современного Казахстана (Актюбинской, Атырауской, Западно-Казахстанской и Мангистауской)⁵ — считался вотчиной нефтяников. Нужно понимать важную техническую

⁵ http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B0%D0%BF%D0%B0%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%85%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD

специфику региона: с того момента, как здесь обнаружили нефть, других специалистов область попросту не признавала. Об этом же говорят и биографии самых именитых выходцев из запада Казахстана — очень немногие из них двигались во власть в рамках смежных отраслей. Основной прирост руководящих работников составляли именно нефтяники. По этой причине немудрено, что только здесь могли сформироваться целые нефтяные династии, выходцы из которых уходили в Центр по нефтяной линии, а возвращались в регион грамотными управленцами, которые прошли все номенклатурные ступени советской системы. Несложно по этой причине догадаться об их «аппаратном весе» на малой родине: подчас только они заправляли процессами, которые так или иначе развивались на вверенных территориях. И даже когда руководить стратегически важными областями приходили чужаки, все важнейшие решения всё равно принимались на уровне элиты — разумеется, родоплеменной. Так в Казахстане происходит повсеместно: даже советская власть лишь слегка деформировала систему, так и не сумев, в сущности, исследовать институт «агашек» (влиятельных родоплеменных авторитетов). Нет необходимости слишком глубоко копать и нам: мы обойдемся без экскурсов в историю, отметим лишь, что большинство прилегающих к Каспийскому морю территорий Казахстана издревле⁶ принадлежало роду «адай»⁷. В этом контексте, скорее, важное значение имеет одна из характеристик этого родоплеменного объединения (об отличительных чертах местного менталитета подробнее мы расскажем чуть позднее) — согласно оценке социолога Гульмиры Илеуовой, региональная родовая система запада Казахстана считается замкнутой. Помимо всего прочего, это означает, что единственным эффективным центром принятия решений в ряде случаев является вовсе не официальная структура в лице областной администрации, а не слишком понятные для человека извне региональные аксакалиты, не имеющие зачастую никаких официальных рычагов власти. Но мало того, зачастую только элита региона

⁶ <http://yvision.kz/post/216041>

⁷ <http://www.elim.kz/adai/>

способна принять на вверенной территории важные структурные решения, учитывающие местную специфику. В итоге такие решения работают исключительно в рамках только этой территории.

Одной из таких «новаций» можно считать создание нефтяных благотворительных фондов с нехитрыми названиями вроде «Мунайшы»⁸. При всей своей внешней ординарности — неприемлемые благотворительные фонды, куда «скидываются» на социальные проекты добывающие компании региона, — эти структуры зачастую несут важную социальную миссию. Они являются «разводящими» между низовыми рабочими и нефтяной верхушкой, то есть, по факту, работают «социальными стабилизаторами». Располагая куда большим финансовым и организационным ресурсом, нежели профсоюзы, эти фонды (за которыми стоит местная элита) могут решить любой социальный конфликт, способный разгореться в регионе в буквальном смысле за несколько минут, поскольку родоплеменные авторитеты в равной степени используют как кнут в лице сил безопасности нефтяных компаний, так и финансовый пряник.

Предположительно, созданию такой схемы стабилизации способствовала удалённость региона от основных политических центров Казахстана: Алма-Аты — территории Старшего Жуза (юго-восток Казахстана)⁹, которая традиционно играла ведущую политическую роль в республике, а впоследствии и нынешней столицы республики Астаны. Понять эту логику достаточно просто. Центру было выгодно не иметь сколько-нибудь крупных социальных проблем в западном регионе, поскольку любая дестабилизация под знаменами социального неравенства требовала очень больших усилий по переброске усмирительных отрядов в регион (что впоследствии доказал Жанаозен). Любопытно, кстати, что одним из итогов создания схемы стало занятное явление: любой руководитель администрации, которого присылали управлять регионом, так или иначе был вынужден договариваться с местной

⁸ Нефтяник — каз.

⁹ http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%80%D1%88%D0%B8%D0%B9_%D0%B6%D1%83%D0%B7

элитой, поскольку именно она могла устроить вал социальных бунтов, равно как и успокоить их. Были, правда, и губернаторы, которые ломали регион через колено, но таких было мало, да и не задерживались они потом в этих краях слишком надолго.

Следует отметить, что эту систему взаимоотношений (с участием благотворительных фондов) создал легендарный нефтяник Насибкали Марабаев¹⁰, всю жизнь проработавший на ниве нефтедобычи и пользовавшийся огромным авторитетом не только в регионе, но и в центральной власти. Под его покровительством схема работала без сбоев много лет, обеспечивая связь между целыми поколениями нефтяников региона. Однако с его смертью в 2007 году все изменилось. Годом раньше от управления фондом отошёл младший сын Марабаева — Жакып, сосредоточившийся, по слухам, на карьере. Итогом этих изменений стала полная ликвидация схемы (по некоторым данным, соответствующее указание пришло от одного из членов правящей семьи) и вывод региона на новый этап развития — забастовочный. Фактически, с этого периода началась интенсификация забастовок¹¹ и уход региональной элиты на более жёсткие позиции: все наблюдатели без исключения фиксируют усилившееся именно в эти годы недовольство региональной элиты политикой «Ак Орды». Потом случился Жанаозен.

Нелишним будет отметить, что использование ресурса забастовок — это давний прием казахстанской элиты. Можно сколько угодно рассуждать о социально-экономической природе бунта в Казахстане, однако есть одна важная ментальная особенность — только совсем исключённый из родоплеменных раскладов казах способен пойти на радикальные шаги. Тем более в такой отрасли, как нефтяная, и в таком малочисленном регионе, как западный. «Фактор свата» в этом регионе силен, как нигде в республике: зачастую устроиться на престижную работу можно только по результатам межклановых договорённостей. Не случайно же в самом регионе считается, что одной из ударных сил во время беспоряд-

¹⁰ <http://biografia.kz/famous/1532>

¹¹ <http://www.regnum.ru/news/1485788.html>

ков стали оралманы¹²: местные нефтяники были просто неспособны грабить магазины и жечь здания, принадлежащие пусть дальней, но родне.

Но самое здесь главное — это лозунги, с которых начинался Жанаозен. Исследователь и эксперт Марат Шибутов на страницах ИА REGNUM сразу по следам трагедии предлагал тщательнее проанализировать требования бастующих нефтяников, однако его слова остались не замеченными в Казахстане на фоне истерии. А ведь проговаривал казахстанский представитель Ассоциации приграничного сотрудничества крайне занятные вещи¹³:

«Посмотрите часть первоначальных требований бастующих:

1. Требуем уволить с работы директора ПФ «Озенмунайгаз» Ешманова К.
2. Передислокация офиса АО «Разведка Добыча» в Актау.
3. Вернуть «Озенмунайгазу» статус акционерного общества.
4. Национализировать проданные предприятия, ранее входившие в структуру «Озенмунайгаза»: ТОО «Бургылау», ТООО КазГПЗ, ТОО «Круз», ТОО «Жондеу» и другие.

Довольно странные требования для водителей автоколонн? Гораздо больше похоже на требования среднего руководства производственного филиала, которое хочет получить независимость от центрального офиса компании.

Надо также отметить поразительную избирательность погромщиков: сожжён был только дом Ешманова¹⁴, и остались нетронутыми дома других руководителей «Озенмунайгаза» — заместителей директора, начальников управлений и т. д. Такие вещи просто так не делаются».

Попытаемся объяснить популярнее. Характер лозунгов и сфера их применения играют в Казахстане очень большую роль, поскольку социальный пар очень часто используется элитой для достижения собственных целей: например, этот инструмент очень

¹² Оралманы — казахи-репатрианты, вернувшиеся в Казахстан по государственным программам переселения.

¹³ <http://www.regnum.ru/news/1485788.html>

¹⁴ <http://www.biografia.kz/famous/2207>

полезен как средство давления на руководителя области. За каждый региональный бунт он будет нести пусть даже формальную ответственность перед Астаной — а это, понятно, мало кому интересно.

Именно по этой причине бунты и забастовки нефтяников в Жанаозене, которые резко интенсифицировались в 2007 году, поначалу не привлекли внимания публики. Между тем это был важный сигнал — элита Мангистауской области Казахстана давала тем самым знать: в регионе не всё в порядке по многим параметрам социально-экономической политики. К этому моменту из соседней Атырауской области как раз ушёл на повышение Аслан Мусин, жёстко зачистивший адайскую элиту во вверенном регионе, а Мангистауской областью пришел руководить (впервые за много лет) человек по многим параметрам «со стороны» — Болат Палымбетов. До того момента на полуострове Мангышлак у руля были либо аффилированные с региональной родоплеменной элитой люди, либо — плоть от плоти этого региона. Отчасти по этой причине момент смены власти в области стал критической точкой в глазах региональной элиты — из глубин родоплеменного подсознания на поверхность всплыли давние обиды как политического, так и социально-экономического свойства.

Политические и экономические предпосылки для сепаратизма

Надо отметить сразу: раздражение политикой центра у региональных родоплеменных авторитетов копилось сравнительно долго. Но если в советское время этого раздражения попросту не замечали, поскольку между элитами всё-таки было некоторое подобие консенсуса, то в годы независимости элите, скажем, Мангистауской области жаловаться не давали собственные руководители. Играла свою позитивную роль политика Центра. Практика присылать в качестве управленцев в регионы Казахстана преимущественно варягов родом из других областей долгое время не касалась полуострова Мангышлак. Вплоть до конца 90-х го-

дов прошлого века регионом управляли выходцы из партийной номенклатуры именно этого региона, то есть адайская верхушка во всяком случае знала, что Запад остаётся под руководством своих, доморощенных кадров. По этой причине оснований для того, чтобы предъявлять претензии Астане, попросту не было. А в начале двухтысячных, когда нефтяной бум начал двигаться к пику, область возглавил и вовсе адайский чиновник Ляззат Киинов, который достойно представлял и продолжает представлять местную элиту.

Однако эти десять лет кадрового спокойствия сыграли злую шутку с региональными элитами. В то время, пока южные родоплеменные лидеры осваивали публичные технологии — покупали СМИ, растили команды экспертов и завоёвывали доверие электората — Запад Казахстана жил по устаревшим законам технократической верхушки позднего советского периода. В качестве итога этой спокойной жизни сейчас многие исследователи фиксируют полную неприспособленность запада Казахстана вести современную информационную войну. Ну или, на крайний случай, хотя бы громко высказывать свое недовольство.

Ещё важнее сложившаяся тенденция не допускать адайцев к традиционным властным каналам влияния. Для любого региона нет ничего важнее, чем иметь человека, который в нужный момент зайдёт с жалобой в кабинет чиновника, принимающего ключевые решения. Таких людей у западной элиты крайне мало и сейчас.

Поэтому, когда в 2005–2008 годах из органов центральной власти по вполне естественным причинам исчезли последние представители родов и племён западного региона, а точнее, прикаспийской его части — Атырауской области, Западно-Казахстанской области и Мангистауской области, сложилась патовая ситуация. Для того, чтобы высказать своё недовольство, адайская элита не могла воспользоваться традиционными рычагами по причине полного их отсутствия. А жаловаться представителям рода «адай» в центральной власти не имело смысла по причине их малочисленности и узкой специализации (подавляющее большинство — непубличные нефтяники). Выступить в центральных СМИ с жесткой

критикой политики Центра родоплеменная элита тоже не могла. Оставался только один способ заявить о себе громко — забастовки. Но и он долгое время воспринимался Центром с легкой иронией, поскольку масштабного информационного присутствия базирующиеся нефтяники не получали.

Между тем в Астане уже к этому моменту сложилась довольно своеобразная система получения преференций для региональных администраций: чем больше было лоббистов, тем проще было добиться нужного результата — должностей, повышенных бюджетов и так далее. В подтверждение можно хоть сейчас проанализировать состав центральных органов исполнительной власти — даже после Жанаозена среди высших чиновников нет ни одного уроженца Мангистауской области¹⁵. В условиях казахстанской политики, когда чиновник может осуществлять позиционную борьбу только при поддержке влиятельных родоплеменных авторитетов, подключающих всех представителей клана, западные чиновники оказались в подавляющем меньшинстве. А уже это обуславливает и отношение к региону. На вопросах экономики мы остановимся чуть подробнее немного позже. Достаточно отметить, что дотационные области на севере Казахстана, плюс столица страны и часть дотационных же южных регионов живут за счет донорских вливаний запада Казахстана¹⁶. Справедливо ли это? А ведь именно к такому парадоксальному результату и привела политика распределения бюджетов в полной зависимости от лоббистских усилий чиновников. В итоге самая многочисленная родоплеменная элита — южная — получает справедливые бюджеты, а самая малочисленная довольствуется тем, что осталось.

Для того, чтобы не быть голословными, давайте вспомним о статистике.

Как известно, существует очень важный показатель регионального баланса — соотношение экономического веса региона с политическим. В идеале, желательно, чтобы пропорции в этом

¹⁵ Ашимбаев Д., Хлюпин В. Казахстан: история власти. Опыт реконструкции. Алматы, 2008.

¹⁶ Синергетический атлас Казахстана — 2011.

смысле были равными — чем больше платит в бюджет страны та или иная область, тем больше выходцев из данного региона должно быть представлено в высшей номенклатуре государства. Если мы внимательно присмотримся к структуре экономики страны, то выяснится: области запада Казахстана, где сконцентрированы выходцы из Младшего Жуза, в подавляющем большинстве являются донорами, то есть наполняют республиканский бюджет средствами. Более того, в исследовании, например, агентства Рейтинг KZ отчётливо видно, что именно запад Казахстана является во многом ключевым для республиканской экономики.

«Полученные результаты настоящего исследования позволили обозначить слабые точки каждого из регионов, а также их изначальные преимущества относительно среднереспубликанского уровня. По результатам исследования соответствующие административно-территориальные единицы были условно разделены на три группы:

— регионы-лидеры — г. Астана, Атырауская область, г. Алматы, а также Актюбинская, Мангистауская, Павлодарская области (1–6 места соответственно);

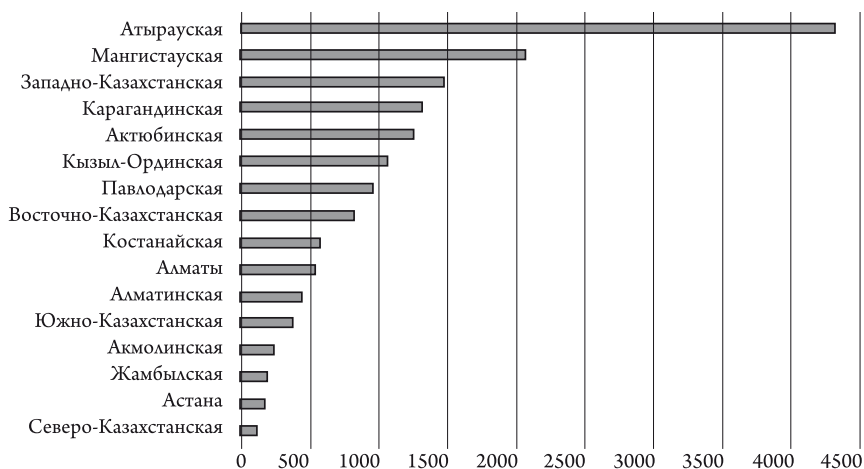
— регионы со средними показателями — Западно-Казахстанская, Карагандинская, Алматинская, Кызылординская области (7–10 места соответственно);

— регионы-аутсайдеры — Восточно-Казахстанская, Костанайская, Северо-Казахстанская, Акмолинская, Южно-Казахстанская и Жамбылская области (11–16 места соответственно)¹⁷.

Очень похожие данные приводит в своём исследовании и эксперт Ассоциации приграничного сотрудничества (Россия) Марат Шибутов. Как видно из представленного ниже графика, запад республики даёт самый большой объём промышленного производства — все четыре области республики находятся в самом верху рейтинга с колоссальными относительно Южного Казахстана показателями: см. таблицу «Объём промышленного производства, млрд тенге».

¹⁷ Ранжирование регионов республики Казахстан. http://agency.rating.kz/docs/regions_rk_2012.pdf

Объём промышленного производства, млрд. тенге

Однако самым простым и наглядным параметром эффективности региональной экономики считается коэффициент валового регионального продукта (ВРП), по которому можно чётко отследить, какая из областей даёт больший экономический эффект. И здесь тоже всё вполне однозначно: только одна область прикаспийского региона Казахстана даёт сопоставимый с Южно-Казахстанской областью объём ВРП — это Западно-Казахстанская область (823 млрд тенге). Остальные дают несоизмеримо больше. Атырауская область — 1969,9 млрд тенге, а Мангистауская — 1108,5 млрд тенге. При этом Южно-Казахстанская область, обладая гораздо большей численностью населения, обеспечивает 925,5 млрд тенге¹⁸. Это тоже немало — но на фоне разницы в популяции по размеру ВРП в пересчёте на одного человека западные родоплеменные объединения оставляют далеко позади правящие южные кланы по степени их экономической эффективности и влияния на бюджет страны.

Ситуация могла бы выглядеть более справедливой, если бы дикий экономический перекокс компенсировался социальными благами. Однако даже здесь, похоже, никакой работы не велось по воп-

¹⁸ Синергетический атлас Казахстана — 2011. С. 22–27

не объективным причинам: Мангистауская область, являясь бюджетным донором, является демографическим реципиентом. Один только Жанаозен с 2000 года вырос значительнейшим образом — более чем вдвое за 12 лет. Понятно, что при таком притоке (среди мигрантов преобладают оралманы — казахи-репатрианты из других республик) успевать отработать хотя бы строительство жилья довольно сложно. Это особенно актуально, если принять во внимание нехватку в регионе питьевой воды. Даже в административном центре, городе Актау, работает опреснитель на базе МАЭК. Это автоматически означает некоторые инфраструктурные проблемы. Что в этом контексте говорить о жителях «углублённого» в степях Мангышлака Жанаозене?

В качестве доказательства нашей версии предлагаем вашему вниманию материал, где быт в Жанаозене описывается репортёром журнала «Эксперт-Казахстан» буквально за полгода до беспорядков. Однако, прежде чем предложить вам цитату, рекомендуем обратить внимание на требования простых рабочих к Астане.

«Скоро вокруг журналистов собралась толпа людей, некоторые подошли с камерами, каждый наперебой рассказывал о несправедливостях, чинимых их начальниками: у одного забастовщика ребенка сняли с автобуса, направлявшегося в санаторий, к другому пришли домой, позвали старушку-мать и сказали, что её сын уволен, та упала в обморок. «Они хотят, чтобы мы продались китайцам и за 150 тысяч (тенге, около \$ 1 тыс. — Авт.) работали, — резюмировал один уже пожилой бастующий. — На самосожжение пойдем, нам терять нечего». Он был уверен, что местный и областной акиматы (администрации. — Авт.) работают в спайке с РД КМГ.

Кроме самосожжения в толпе говорили и о возможности отделения от Астаны. *«Адайцы (большинство местных казахов представители именно этого рода; представителей других национальностей в городе почти нет) люди духовитые. Как пожелают, так и сделают», — предупредил нас один осведомлённый местный источник.*

У стоящего рядом парня в красной кепке я спросил, что делается властями для обустройства города. *«Для обустройства тут ни-*

чего не делалось. Тут же на остановке летом невозможно стоять! Сейчас впервые за 20 лет они в городе систему водоснабжения меняют. Только в этом году 43 млрд тенге выделили, чтобы улучшить положение, — он вспомнил недавно утвержденную программу развития города. — Но никаких условий и никакого развития тут нет. Хочешь учиться — надо ехать в Алматы, а там только чтоб проживание обеспечивать, надо миллионы получать». [...]

«Юридически в этом конфликте все ясно. Но всем, кто знаком с ситуацией, понятно, что это не трудовой конфликт, а скорее ментальный. И в таких противостояниях правота доказывается не документами, а готовностью жертвовать и убежденностью, что «наше дело правое». Бастующие подкрепляют свою уверенность в правоте тем, что уже почти два месяца сидят на жаре, а некоторые даже голодают. Руководство РД КМГ — тем, что показало обществу все документы и даже не побоялось отпустить журналистов на разговор с бастующими. В битве правоты и твердости ничья не взяла, и никто из сторон не знает, что будет дальше.

А пока мы являемся свидетелями социокультурного феномена, сложившегося под действием неповторимого адайского менталитета, знойной пустыни, больших нефтяных денег и общей неуютности региона. Например, обыкновенная забастовка здесь — это не только инструмент, позволяющий заявить обществу о своих претензиях работодателю, начать трудовой спор и добиться улучшения условий труда и его оплаты. Забастовка для этих людей — своеобразный тест на коллективизм: ты ещё наш или уже их. Причём меркой этой самоидентификации («мы» и «они») служат абстрактное чувство справедливости и конкретная решимость бороться и не сдаваться.

Крепят коллективизм жанаозенских рабочих не только общая трудовая биография, общий работодатель. Эти несколько сотен людей искренне считают, что оказывают первое сопротивление отечественным продажным чиновникам и бессовестным капиталистам, а также внешнему опасному и коварному врагу — китайцам. И ощущение себя боевым отрядом сплачивает. Не зря в этом

краю так гордятся тем, что в конце XVII века прогнали из Мангистау туркмен, будто это было вчера.

Посторонний наблюдатель не сможет не признать, что поведение бастующих и их требования нелогичны. Но логично ли то, что при огромных деньгах, которые выкачивались государством из Жанаозена, в городе нет фонтанчиков и скверов, пивнушек и хороших развлекательных центров, где люди могли бы отдохнуть и развеяться после работы в выжженной солнцем пустыне? По-видимому, единственное, чем могли бы похвалиться горожане, — это новенький спорткомплекс, но им уже хвалится РД КМГ, потратившая на него 2 млрд тенге.

Здесь своя логика, базирующаяся на суровом пейзаже, нелегком труде и невысоком уровне образования. Из учебных заведений в городе только школы да техникум, готовящий лишь нужных нефтянке спецов. Отсюда и архаичность почти средневекового сознания людей, всерьёз верящих рассказам про китайцев, забирающих девиц, и про авиацию, направленную на разгон бастующих. Нефти здесь хватит ещё на 20 лет, но если как можно скорее не начать реально обустраивать регион, качественно учить и лечить людей, предлагать им другие, не нефтяные промыслы, то целиком в средневековье они уйдут уже завтра»¹⁹.

Прежде чем мы углубимся в социологию, зафиксируем выводы, которые можно сделать из ранее упомянутого репортажа.

Первое и самое главное — рядовые рабочие высказывают мысль об отделении от Астаны. Этот момент не имел бы важного значения, если бы речь шла о любом другом регионе страны. Однако запад республики — это отдельный мир в системе взаимоотношений внутри казахской степи. Он не только удалён географически, но ещё и обделён вниманием властей во всех смыслах, являясь при этом территорией, которую без пафоса и иронии можно называть «закромами Родины».

Второе. Социально-экономический коллапс, центром которого стал регион за последние годы, даже со стороны выглядит не-

¹⁹ <http://expert.ru/kazakhstan/2011/28/stachka-bolshe-chem-zhizn/>

справедливым по отношению к жителям этой территории. Более того, если учесть темпы миграционного прироста и очевидное неумение властей регулировать эти процессы, можно констатировать: запад Казахстана будет демонстрировать в ближайшее время высокие темпы социальной неуправляемости даже при наличии нужных договорённостей региональных и центральных элит.

Третье. Даже без социологических инструментов, только на основании этой статьи можно прийти к важному выводу — жители региона акцентируют внимание на собственной принадлежности в первую очередь к местной родоплеменной структуре, а не этнической и, тем более, гражданской идентичности. Это тем более любопытно, что феномен «адайской ментальности» фиксировался специалистами ещё до беспорядков в Жанаозене.

Ментальные предпосылки для сепаратизма

Еще в феврале 2007 года общественный фонд «Стратегия» провел ряд полевых исследований, по результатам которых составил «Портреты регионов Казахстана»²⁰. В каждой из областей страны специалисты осуществили ряд стандартных замеров и подробно описали результаты, полученные в ходе исследования, на основании экспертных интервью, фокус-групп и массового опроса населения. В тексте использованы цитаты из интервью с экспертами и фокус-групповых дискуссии. Полученные результаты, пусть они и не имели потом вполне логичного для работ такой масштабности продолжения, можно назвать крайне занятыми. Причем, и это надо отметить особо, речь в проведённом исследовании идёт о 2007 году — то есть ещё «дозабастовочном» периоде. Итак, что же рассказали жители самой «горячей» области региона — Мангистауской²¹?

Первое, на что обращают внимание специалисты, — это чётко сформулированное понимание: жители области осознают своё «стратегическое» положение. Что важно, это в равной степени

²⁰ <http://ofstrategy.kz/?nb126&version=ru>

²¹ <http://ofstrategy.kz/?nc39&version=ru>

касается и экономического содержания, и геополитического расположения. Речь идёт о понимании: море со всеми его возможностями, в том числе торговыми, находится рядом, а это, как минимум, означает выход на другие экономики региона.

«Особенностью со знаком минус эксперты отметили закрытость, обособленность области, связанную с удалённостью региона от центра, а также отсутствие развитой системы транспортных коммуникации, *«одна ветка идёт тупиковая, поэтому поезда ходят достаточно редко, автодороги тоже не в достаточно хорошем качестве. Такая вот оторванность получилась от основного большого мира»*. По свидетельствам экспертов, данное положение заметно снижает привлекательность области как постоянного места жительства. *«То есть сюда люди едут либо с идеями, либо те, кто здесь родились»* — говорится в исследовании.

Здесь хотелось бы подробнее остановиться на выводах экспертов, которые могут трактоваться двояко. Опрошенные фондом специалисты рассматривают регион только с точки зрения перспектив развития — что на тот момент было вполне логичным: ведь речь идёт о сравнительно благополучном периоде жизни региона. Однако, если присмотреться к представленным тезисам с высоты прожитых лет, можно прийти и к другим выводам. Например, обособленность области и её оторванность от основного большого мира (если речь идёт об остальном Казахстане) в контексте раздражения региональной элиты и лозунгов об «отделении от Астаны» выглядят в буквальном смысле указанием на наличие структурных проблем в теле молодой казахской государственности. Если же к этому присовокупить осознание собственных стратегических перспектив жителями области (о нём мы писали чуть ранее), мы получим потенциальный повод для проявления латентного сепаратизма. И такое впечатление оставляет сравнительно безобидная первая часть исследования. Дальнейшее погружение в тезисную часть этой работы и вовсе заставляет прийти к переосмыслению процессов, происходящих в регионе.

В частности, специалисты отмечают некоторые особенности демографической ситуации: её можно охарактеризовать как

«мечта националиста», поскольку «по национальному составу *«у нас Мангистауская область, она стала как бы монообластью»*. По данным статистики, доля представителей титульной нации составляет около 80%. И по прогнозам экспертов, *«может за год, за два изменения будут проходить, и у нас получается, что у нас некоторые районы в основном будут состоять из представителей государство образующей нации, или титульной, как мы говорим»*. «Как отметило большинство экспертов, *«отличие Мангистауской области от других областей — это проживание в регионе представителей одного рода, т. е. рода адаи. Если сейчас там проживает 380 тыс. казахов, то 312 тыс. из них — адайцы»*. По свидетельствам экспертов, у жителей других регионов Казахстана сложилась устойчивая ассоциация с Мангыстау как землёй адаев. *«Вот едешь в другие области, например, бываешь там, и сразу первый вопрос: «Ты адаец?»»*.

Для большей наглядности приведем цитату из другой части исследования: поясним лишь прежде, что в ней речь идёт уже о самоидентификации жителей региона.

Уникальную особенность Мангистауской области участники фокус-групп отмечают в том, что область фактически является **вотчиной одного казахского рода** — адаи. *«Вообще, как-то в областях очень много количество различных родов. Здесь же в основном большая часть — это жители, вот, адайцы»*. По мнению участников фокус-групп из числа некоренных жителей области, именно такая локализация представителей одного рода послужила основой для сохранения и поддержания на территории области традиционных родовых отношений. *«В других регионах Казахстана, там не такое значение придается роду»*. Для жителей Мангистауской области родовая принадлежность является одним из ключевых самоидентификационных признаков. Типичным поведением для адайца считается начинать знакомство с вопроса о родовой принадлежности собеседника, *«в первую очередь, когда ты приезжаешь, тебя спрашивают, какой у тебя род»*.

Необходимо пояснить, что мы специально совместили цитаты из разных частей работы фонда «Стратегия». Дело в том, что

структура этой научной работы предполагает фиксацию проблем, однако авторы распределяют полученные результаты исходя из логики собственной методологии, нам же важно зафиксировать самые болезненные точки, которые видятся в контексте событий декабря 2011 года. Так вот, если анализировать приведённые цитаты исходя из нашего видения проблематики, то хотелось бы внимательнейшим образом приглядеться к особенностям идентификации жителей области как со стороны экспертов фонда, так и со стороны самих опрашиваемых представителей этого непростого региона. В первую очередь обращает на себя внимание важный факт — первичная самоидентификация населения. Люди считают себя не столько казахами, сколько «адайцами». Причем первое же сопоставление говорит о том, что на этой территории проживают в большинстве своём представители именно этого родоплеменного объединения, но самое здесь главное — это довольно агрессивная форма демонстрации своей принадлежности к числу региональных автохтонов. Несмотря на довольно сильную развитость трайбализма по республике в целом, открытая система распознавания «свой-чужой» по родоплеменному признаку не очень характерна даже для юга республики²², который, согласно аналогичному исследованию фонда «Стратегия», считает себя «колыбелью казахской нации».

Усугублены вопросы самоидентификации и характерными особенностями местного менталитета. Так, согласно свидетельствам экспертов, для жителей Мангистауской области характерен «комплекс островитян», в рамках которого все остальные регионы республики рассматриваются в отрыве от «адайских земель» (они включают в себя далеко не весь запад Казахстана). Более того, наряду с «комплексом островитян» эксперты констатируют в качестве ещё одной ментальной особенности так называемое «поведение кредитора», когда житель региона уверен, что все «понаехавшие» являются «должниками» жителей области, *«они все считают: «это наша земля, вы сюда приехали и за это вы должны быть благодарны».*

²² <http://ofstrategy.kz/?nc67&version=ru>

В целом, и этот момент необходимо отметить, исследование оставляет впечатление очень здравого документа, на который следовало бы обратить внимание ещё в 2007 году. Подавляющее большинство из перечисленных в работе проблем за пять неполных лет можно было купировать, часть — нивелировать до малозначимых величин. Однако, судя по набору признаков, подавляющее большинство проблем так и остались актуальными. Это значит, что работы никакой не велось, а если таковая и была, то результаты её минимальны. Особенное значение, и этот момент необходимо повторять вновь и вновь, проблемная оставляющая доклада фонда «Стратегия» приобретает на фоне событий 16–17 декабря 2011 года в Жанаозене, а также в контексте описанных нами в предыдущих главах проблем. В этой связи любопытным видится нижеприведенный вывод специалистов фонда, с которым трудно спорить. Его надо просто процитировать:

«Мангистауская область, как мононациональная область с сильной родовой традицией и развитым чувством национального самосознания, может стать площадкой, полигоном для внедрения и апробирования различных национал-идеологических технологий, направленных как на повышение уровня патриотизма, так и на разжигание межнациональных конфликтов».

Краткий анализ событий по итогам ситуации в Жанаозене

Беспорядки в Жанаозене, которые произошли 16–17 декабря 2011 года, вне всяких сомнений являются самой верхней точкой противостояния региональных элит против центральных. Но даже из этих трагических событий, если судить по решениям, принятым в 2012 году, никаких системных выводов сделано не было.

В частности, проведённая по результатам ситуации в Жанаозене ротация высшего управленческого состава в Казахстане свидетельствует, скорее, о попытке исключить проблемный регион из активной политической повестки путём манипуляций с бюджетами национальных компаний. Фактически региональная элита задабри-

вается исключительно вливаниями, и тем самым укрепляется в мысли о том, что забастовочный потенциал в диалоге с Астаной имеет ключевое значение. Косвенные отголоски этого тезиса можно было проследить во время бунта элиты Атырауской области, которая выразила свое несогласие с политикой президента по результатам отставки губернатора области Бергея Рыскалиева²³.

Также ничего не известно о сколько-нибудь крупных социально-экономических программах, реализуемых в регионе, — и речь здесь идёт даже не столько об их реализации, сколько об отсутствии некоего системного комплекса усилий пропагандистского характера, которые бы позволили говорить о возвращении если не взаимного доверия, то хотя бы демонстрации единства нации.

Не улучшает ситуацию и кадровая политика Астаны. По результатам бунта нефтяников 16–17 декабря 2011 года «Ак Орда» приняла ряд кадровых решений, большая часть из которых носила тактический характер. Однако впоследствии ротация, предпринятая Астаной, была зафиксирована. В итоге управлять проблемной областью «был оставлен» Бауыржан Мухамеджанов, выходец из южной родоплеменной общины. Не имея никаких претензий к этому чиновнику, отметим качество принятого решения — назначение «смотрящего» варяга в целом говорит о минимальных изменениях в кадровой политике Астаны. В рамках этой логики «контролировать» зачастую гораздо важнее, нежели «менять». О результатах принятого кадрового решения можно судить по продолжающимся даже в условиях нулевой информационной поддержки забастовкам нефтяников в регионе и не погашенном в целом протестном потенциале области.

Любопытен и другой факт из научно-исследовательской сферы: к настоящему моменту ничего неизвестно об официальных «замерах» — социальных, экономических и политических. И речь здесь идёт вовсе не о правовой оценке событий, к которой призывает радикальная оппозиция, — речь идёт об отсутствии предпринятых системных исследований, зондаже ситуации и постановке

²³ <http://regnum.ru/news/1567375.html>

первичных социальных диагнозов. Не изучены (во всяком случае, в публичном поле о них нет упоминаний) вопросы миграции — как внешней, так и внутренней; социально-экономического структурирования самых проблемных участков в регионах; вовлечения местного населения в бизнес-процессы; вопросы распределения властных полномочий в регионе и хотя бы бюджетных перекосов в пользу регионов-доноров.

Но самое главное — ничего неизвестно о качественных программах по выводу проблемных регионов из отраслевой зависимости. Дело в том, что, согласно мнению аналитиков, нефтяные возможности ряда месторождений уже истощаются²⁴. Для моногородов, в число которых входит и Жанаозен, этот факт на перспективу означает только одно: резкое усиление потенциала протестных настроений и вывод ряда внутренних противостояний в открытую фазу.

Некоторые выводы

Первое же обобщение тезисов настоящего текста подталкивает внимательного читателя к не слишком приятным выводам.

Во-первых, к настоящему моменту переход сепаратистских настроений на западе Казахстана из латентной фазы в более активную уже состоялся. Этот момент зафиксирован наблюдателями — а значит, можно говорить об уже сформировавшемся тренде. При этом в общем и целом в информационном поле страны нет данных о том, существует ли за озвученными лозунгами осознанная идеология. Однако, по совокупности косвенных данных, можно судить: в регионе созданы все условия для формулирования подходящей повестки. Зафиксирован этот момент был ещё в 2007 году, а существенно усилен — в конце 2011 года.

Во-вторых, ситуация на западе Казахстана с тех пор развивалась только в крайне негативном для сохранения государственности ключе — раздражение элит подпитывалось пассивной,

²⁴ <http://www.iarex.ru/articles/32773.html>

а зачастую и откровенно враждебной политикой центральных органов власти. Этот момент создаёт предпосылки для дальнейшей эскалации напряженности вне зависимости от оперативной ситуации до тех пор, пока в «Ак Орде» не будет разработана хоть сколько-нибудь внятная программа по политической, социально-экономической и, самое главное, ментальной интеграции региона в состав страны.

В-третьих, без проведения необходимой работы исследовательского и пропагандистского характера, спрогнозировать дальнейшую трансформацию регионального сепаратизма невозможно. Между тем очевидно, что после событий в Жанаозене скорость развития региональных фобий может возрасти кратно. При этом представить, как именно проявит себя родоплеменная конструкция региона, скажем, при усилении внешнего информационного и политического давления, почти невозможно.

В-четвёртых, ни в коем случае нельзя забывать о географическом расположении региона. «Адайская степь» граничит с очень непростыми районами Туркмении и Узбекистана, а по морю — ещё и с ключевым «узлом» каспийской политики — Закавказьем²⁵, что не придаёт региону геополитической устойчивости, а, скорее, наоборот, делает запад Казахстана одной из самых важных точек приложения англосаксонской политики. В этой связи можно вспомнить широко озвученные планы военных США в отношении порта Актау²⁶. Если продолжать рассуждения в этом контексте, то необходимо отметить крайне слабые инфраструктурные связи региона с остальной частью Казахстана. Усугубляются они ментальными различиями и сложившейся политической обстановкой в республике.

И последнее. Существует очевидная связь запада Казахстана с российским Северным Кавказом²⁷. К таковой можно отнести интенсификацию взаимодействия в рамках террористического

²⁵ http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%83%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C

²⁶ <http://www.regnum.ru/news/polit/1532746.html>

²⁷ <http://regnum.ru/news/1472436.html>

подполья²⁸: в последние годы резко возросло количество случаев ликвидации в российских регионах боевиков с казахскими паспортами²⁹. Если помножить этот тренд на активизацию террористического подполья на западе Казахстана в 2011 году, то вопросов в этом ребусе с элементами родоплеменной структуры республики, политики, вопросов социально-экономического блока и ментальных различий — становится несоизмеримо больше. И каждый из них требует чёткого ответа.

Заключение

И в заключение позволю себе напомнить ещё один занятный момент. Дата 16 декабря после событий в Жанаозене может считаться сакральной для Казахстана дважды. Впервые, напомним, 16 декабря прозвучало в 1986 году, когда в Алма-Ате были разогнаны «националистически настроенные студенты». Согласно официальной версии, которая бытует сегодня, в те дни произошло первое в Союзе выступление с национально-освободительными мотивами³⁰: казахи, дескать, вышли на улицы в знак протеста против политики Москвы, которая прислала руководить республикой русского Геннадия Колбина³¹. Однако есть и версия из-под ковра. По некоторым данным, тогда обострилась борьба за власть³² — и несущей конструкцией этой борьбы стали студенческие выступления.

Так в Казахстане решаются дела. И тогда, и сейчас.

И если тема сепаратизма не будет вовремя свернута и направлена в иное русло, есть большая вероятность, что дата 16 декабря станет днем двойного «освобождения». Сначала — от «колониальной политики Москвы», затем — от «колониальной политики Астаны».

²⁸ <http://regnum.ru/news/1406303.html>

²⁹ <http://www.regnum.ru/news/1399445.html>

³⁰ <http://www.zonakz.net/articles/14892>

³¹ http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BB%D0%B1%D0%B8%D0%BD,%D0%93%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%B9_%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87

³² <http://www.kazbio.info/?S=141>; <http://www.kazbio.info/?S=142>; <http://www.kazbio.info/?S=144>.

Кубат Рахимов

ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ ПРОЕКЦИИ ГЕОПОЛИТИКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ. ВОЗВРАЩЕНИЕ РОССИИ

Не стройте больше крепостей,
стройте железные дороги.

Альфред фон Шлиффен

Вся история Евразийского континента есть суть взаимодействия империй. А любая империя построена прежде всего на инфраструктуре. Под этим термином подразумевается то, что любое региональное экономическое объединение государств построено в первую очередь на инфраструктуре. Особенно это актуально на данном этапе построения будущего Евразийского Союза.

Продвижение Российской империи в Центральную Азию имело хороший стимул, точнее раздражитель. Это активность Британской Короны, которая практически сразу (по историческим меркам) так или иначе не просто «метила» территорию, а чётко и системно обеспечивала военную логистику в интересующих регионах и закладывала условия для устойчивого экономического присутствия. В данном случае речь идёт о Британской Индии, Персии. В свою очередь, Российская Империя и потом уже Советский Союз в своём освоении пространства Центральной Азии особый упор делали именно на строительство железных дорог. В частности, постройка знамени-

той Закаспийской железной дороги от восточного побережья Каспия до центра региона (от Красноводска до Ташкента и далее в Ферганскую долину 2 192 км), а затем от Оренбурга до Ташкента (1 668 км) были значимыми инфраструктурными проектами империи в регионе и позволили соединить регион со всей сетью железных дорог России. В советские годы Турксиб выполнил важнейшую роль соединения кратчайшим путем Средней Азии с Уралом и Сибирью, одновременно выполняя роль катализатора индустриализации на всём протяжении маршрута. Фактически подъём всего среднеазиатского региона и Казахстана во многом связан именно с масштабным строительством железных дорог. В совокупности все железные дороги Средней Азии и Казахстана составляют более 21 000 км путей! Если в среднем взять среднюю стоимость по сегодняшним ценам за 1 км порядка 2 млн долларов США, то Российская империя / Советский Союз за 150 лет только в железнодорожную отрасль региона инвестировали порядка 42 млрд «сегодняшних» долларов США. Впечатляет.

Формирование единого народнохозяйственного комплекса СССР не ставило приоритетом развитие транзитных перевозок для третьих стран. Поэтому все новые железные дороги замыкались на существующей сети и выполняли функцию обеспечения разработки месторождений полезных ископаемых и индустриализации территорий, а также обеспечивали военно-логистический аспект. Приоритет развития над транзитом до сих пор является, по большому счёту, парадигмой для железных дорог России в отличие от нынешних элит в новых независимых республиках. Многие видят в приоритете транзитных перевозок «волшебную палочку», которая автоматически поднимет экономику данных стран. Отдавая должное важности транзитного потенциала и доходов от его использования, всё же надо отметить риски для стран, имеющих слабое положение в геополитическом и геоэкономическом плане. Быть субъектом и объектом геополитики — это, извините, две больших разницы.

При всём этом, Россия смогла осуществить глобальный широтный проект — Транссиб. Однако на южном направлении не всё получилось так, как хотелось бы. Опять же во многом по результа-

там передела Центральной Азии в рамках так называемой Большой Игры. «Идея великого железнодорожного пути, который соединил бы Европу с Индией, так же стара, как сама история железнодорожного строительства вообще», — отмечает в 1925 году востоковед М. А. Павлович и приводит ссылку на брошюру, написанную в 1830 г. Перейрой с проектом железнодорожного пути в Индию. В 1874 году был опубликован замысел

Проект Индо-Волжской железной дороги

постройки Индо-Волжской железной дороги от Саратова к Индии. Автор проекта Степан Иванович Барановский писал: «Индо-Волжская железная дорога окажет громадное влияние на всю Россию, возвеличив её и возвысив её торговое значение. Теперь мы, для своих торговых сношений с Ост Индией, пользуемся еще посредничеством Англии и Голландии; тогда же наоборот — Великобритания и Нидерланды будут со своими владениями, омываемыми Индийским океаном, сноситься через Россию — прямым, ближайшим, скорейшим, удобнейшим и безопаснейшим путем по железной дороге через Саратов на Волге и Аттоке на Инде». После 1917 года соединять британские владения с Европой через среднеазиатские советские республики уже было не в интересах СССР. В установившемся биполярном мире государственная граница СССР фактически перекрыла трансконтинентальные проекты и древнейшие торговые пути по своей южной части — Казахстану, Средней Азии и Закавказью.

Маршруты Шёлкового пути

То есть Россия поставила миф о Шёлковом пути надгробный памятник. На самом деле, Шёлковый путь был похоронен ранее, за несколько веков до этого, когда заработали эффективные, безопасные и дешёвые морские коммуникации между Азией и Европой. А Россия просто добила этот обветшавший проект и чётко обозначила меридиональный характер своей политики в Центральной Азии. Поэтому основной удар сейчас соперники делают именно по направлению реанимации Шёлкового пути — называя его по-разному, даже в англоязычных версиях — Silk Way, иногда Silk Road. Удачный пример ТАЖМ — Трансазиатской железнодорожной магистрали (модернизированная советская железная дорога от китайской границы до станции Актогай с разветвлением на север до границы с Россией и на юг, в сторону Алма-Аты и Чимкента) не оправдал себя именно в транзитном плане. По злосчастному проекту ТРАСЕКА коррумпировано де-факто несколько поколений транспортных чиновников десятка стран. Шёлковый путь, по сути, это сказка-миф, в основе которой лежал древнеисторический транзитный коридор, проигравший иным способам доставки грузов.

Но теперь Шёлковый путь поднят как флаг перераспределения сфер влияния в регионе. Первое, на что делают упор апологеты Шёлкового пути / Нового шёлкового пути — это «восстановление исторической правды». Мол, путь был, ваша «конкретная территория — бывшая советская республика — ныне независимая страна» на этом зарабатывала, есть исторические и литературные подтверждения этому. Второе — этот путь имеет право на жизнь в сегодняшнем мире и не надо оглядываться на последние полтора-два века нахождения в Российской империи / СССР. Третье — инвестиции, их обещание и реальное выделение под строительство новых инфраструктурных и модернизацию существующих.

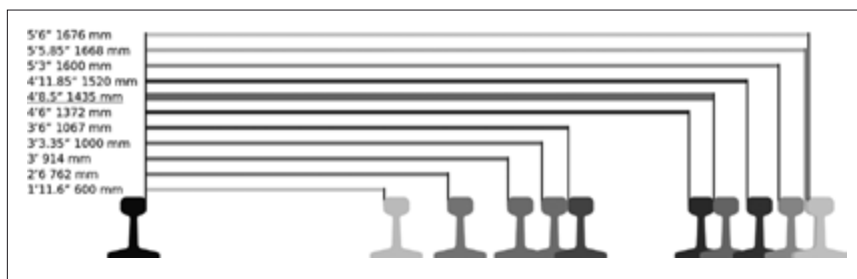
В наш нефтегазовый век основной приоритет у всех игроков — месторождения углеводородов в регионе. Точнее, прямой контроль над ними и участие в трубопроводных проектах для экспорта. Кстати, все прозападные и прокитайские проекты сделаны под конкретным углом — экспорт только сырья. За 20 лет в странах Центральной Азии не построено ни одного нового НПЗ, не считая проектов по модернизации «советских» НПЗ и строительства «странного» Кара-Балгинского НПЗ в Кыргызстане, основная задача которого — реэкспорт казахстанской нефти по не существующему пока проекту казахстанско-кыргызстанско-китайского нефтепровода.

Итак, кто основной игрок по инфраструктурным проектам в Центральной Азии? Однозначно, Китай. Во-первых, реанимация железнодорожного перехода Дружба (Достык) — Алашанькоу (название местности Алатаушанкоу в другой версии). Это был мощный прорыв для китайцев, так как грандиозные планы по освоению Запада Китая («Сибу да кайфа», или Go West в англосаксонском написании) требовали точки входа в новые независимые страны региона. Пошло дешёвое углеводородное сырьё, руда, металлолом. Обратное — товары народного потребления и различное оборудование для зарождающегося малого и среднего бизнеса. Сейчас Китай смог пробить ещё более внушительное «окно» — мощный логистический узел Хоргос — Коргас значительно южнее Достык — Алашанькоу дал возможность одновре-

менно заводить товарную массу взамен сырья как по железной дороге, так и по современной многополосной автотрассе Западный Китай — Западная Европа. Для железнодорожного прорыва китайская сторона пошла на строительство железной дороги Коргас — Жетиген протяженностью 293 км, что позволило выпрямить транспортное плечо от экономических и логистических центров Синьцзяня до Алматы (Жетиген, по сути, это станция в непосредственной близости от «экономической» столицы Казахстана). Далее существующая сетка железных и автомобильных дорог позволяет эффективно «проталкивать» китайскую товарную массу по всей территории Казахстана и среднеазиатских республик, имея гарантированную обратную сырьевую погрузку. В обоих случаях Казахстан смог отстоять, не без колебаний, широкую колею 1 520 мм против предложений построить «европейскую» колею 1 435 мм для унификации с китайскими железными дорогами в целях экономии средств и времени на смену колесных пар. Был момент, когда Казахстан был готов строить «узкоколейку» от Китая до Ирана, где тоже используется «стефенсоновский» стандарт 1 435 мм, и в этом случае грузовые и пассажирские составы без смены колесных пар могли идти от Тихого океана до Персидского залива. Но осознание геополитических рисков и, особенно, военно-логистической составляющей не дало возможности осуществиться данному антироссийскому проекту. Сохранение «русской» колеи 1 520 мм было, кстати, прописано в «бракоразводных» документах при распаде СССР, и не зря, судя по этому прецеденту.

Этой теме уделим особое внимание, ибо технические стандарты не всегда являются узкотехническими. Китай при поддержке западных стран все эти 20 лет ведёт чёткую и системную борьбу за применение своих или т. н. международных стандартов в тех или иных отраслях. Противостояние широкой и узкой колеи всегда имело геополитический, точнее военно-логистический, аспект. Около 60% мировых железных дорог используют «стефенсоновский» (европейский) стандарт колеи — 1 435 мм, в т. ч. Китай, Иран, Евросоюз. Россия, страны СНГ, Финляндия и Монголия ис-

пользуют российский стандарт — 1520 мм. Ряд бывших колоний Великобритании, в частности, Индия и Пакистан используют еще более широкую колею — 1 676 мм.

Различная колея железных дорог

Показателен пример борьбы за строительство Китайско-Киргизско-Узбекской железной дороги. Помимо проблемы колеи (на мой взгляд, предлагаемой в проекте ККУЖД наиболее проигрышно для Киргизии, в схеме смены колесных пар далеко в глубь территории Кыргызстана) существуют более серьезные вопросы получения контроля со стороны китайских государственных компаний над важнейшими месторождениями в Киргизии. Речь идёт о разведанных в советские годы залежах железной руды, нефелиновых сиенитов (сырьё для алюминиевой промышленности), золота и т. п. Это помимо выхода Китая сухопутным путем на Иран, минуя Казахстан как геополитического союзника России в регионе.

Проект Китайско-Киргизско-Узбекской железной дороги (ККУЖД, SKU railway) раздражает Казахстан и Россию, но совершенно по разным причинам. Строительство железной дороги из Китая в Узбекистан резко увеличит срок окупаемости казахстанского проекта Хоргос — Жетиген, так как грузы для почти 12 млн жителей Ферганской долины и, соответственно, экспорт из региона (хлопок, руда, металлолом и др.) уйдут на этот маршрут, не считая потери ряда транзитных грузов. Для России важно другое — китайско-кыргызско-узбекский проект резко нарушает геополитический баланс сил в регионе. Там, где есть возможность использовать рычаги воздействия (включая, собственно, железно-

дорожные маршруты через Казахстан как союзника), их надо использовать. Резко негативная позиция Узбекистана по гидроэнергетическим проектам России в Киргизии и Таджикистане, а также уверенность Китая в последовательном экономическом аншлаге стран Средней Азии весьма опасны для России и её позиций в регионе в целом. Единственный путь — «сицилианская защита», а именно предложение альтернативных проектов на максимально выгодных условиях с военно-инфраструктурной точки зрения.

Таким образом, можно говорить о проактивной политике России только в двух странах Средней Азии — Киргизии и Таджикистане. Туркменистан придерживается традиционного нейтралитета, правда, с любопытством и определённой открытостью. В Туркмении, касательно транспорта, необходимо усилить лobbистские усилия по преодолению препятствий в строительстве российско-казахстанско-турменско-иранской железной дороги по восточному побережью Каспия. Военную базу РФ или ОДКБ открыть там не светит в ближайшие годы. Хотя кто же знает свои нравные туркменские элиты...

По Узбекистану картина ещё сложнее. По многим параметрам это региональный лидер. В первую очередь, по численности населения и армии соответственно. При сохранении традиционной ориентации на сельскохозяйственную монокультуру (хлопок) с большим потреблением воды и высоких потерях при испарении Узбекистан становится антагонистом по отношению к двум горным странам-соседям. Остаётся одно из двух: либо помочь Узбекистану в реформе аграрного сектора, уменьшить потери на испарение через строительство закрытых каналов / водотрубопроводов, забрать на российский рынок труда ещё 5–6 млн жителей РУз, либо довести до полного воплощения гидротехнические сооружения в Киргизии и Таджикистане, одновременно усилив военное и экономическое присутствие в регионе при усилении внешнего давления на Узбекистан. *À la guerre comme à la guerre*. Третий вариант — «само рассосётся». Этот сценарий тоже не исключен, но он связан со сменой не просто Ислама Каримова, а целого пласта узбекской властной элиты. Но третий вариант чреват латент-

Позиционирование казахстанских коридоров как Нового шелкового пути

ККУЖД как конкурент российским и казахстанским коридорам

ностью противоречивых процессов и может оказаться опасным для России.

Поэтому интересным может оказаться вариант синергии двух, казалось бы, не очень связанных между собой проектов. Это строительство Камбаратинской ГЭС-1 и каскада Верхне-Нарынских ГЭС в Киргизии и прокладка меридиональной казахстанско-киргизско-таджикской железной дороги (в экспертном сообществе также называют эту дорогу как железная дорога «Чуй — Фергана» (ЖДЧФ), транскиргизская железнодорожная магистраль Север КР — Юг КР).

В случае продолжения Узбекистаном противодействия строительству ГЭС, Кыргызстану, во избежание санкций со стороны Ташкента в виде перекрытий железных дорог, ЛЭП и газопровода, уже применяемым им против Таджикистана, более эффективно будет продолжить строительство железной дороги на юг Кыргызстана, таким образом, южные и внутренние горные регионы КР выводятся из транспортной изоляции. Позитивный мультипликативный эффект для всех отраслей экономики и регионов Кыргызстана от соединения пока ещё дезинтегрированных участков железной дороги линий внутри республики превзойдёт любые из рассматриваемых и действующих инвестиций в отдельно взятые предприятия в КР.

Скорее всего, наиболее интересное для российской стороны в этом случае — рассмотреть возможность применения формулы «два в одном» и использовать часть бюджета строительства ГЭС (Камбар-Ата и Верхне-Нарынский каскад) для строительства железнодорожных веток к строящимся ГЭС с последующим продолжением железной дороги до Жалал-Абада / Оша с выходом на Баткенскую область и далее, на третьем этапе, в Согдийскую область Таджикистана.

ГЭС, тем более находящиеся в 200 км и более от ближайших железнодорожных станций, даже в случае их успешной постройки, не смогут обладать той степенью влияния, которую способна оказать железная дорога, которая во всем мире всегда была «локо-

мотивом» развития тех регионов, через которые прокладывалась железнодорожные магистрали.

Возможные этапы строительства железной дороги Казахстан — Кыргызстан — Таджикистан:

Строительство железной дороги «ЗТ» из Казахстана Тараз — Талас — Токтогул. От Тараза (б. Джамбул) есть участок до ст. Маймак принадлежности «Казахстан Темир Жолы» / Казахстанские железные дороги на территории КР, далее направлением на Токтогул и строящуюся Камбаратинскую ГЭС-1 с возможными ответвлениями к наиболее интересным месторождениям. Параллельно необходимо изучить целесообразность строительства железной дорги от ст. Балыкчи до строящегося каскада Верхне-Нарынских ГЭС с ответвлениями до перспективных месторождений угля, железной руды и алюминиевого сырья (нефелиновых сиенитов) в Нарынской области.

Строительство участка далее на Джалал-Абад / Ош и соединение с существующей сетью железных дорог (участки бывшей Среднеазиатской железной дороги МПС СССР, выходящие на узбекские железные дороги). Таким образом, Кыргызстан впервые становится единой страной в плане полноценной транспортной инфраструктуры, соединив север и юг страны железной дорогой.

Строительство участка от Оша на Баткенскую область КР с дальнейшим выходом на Худжанд Согдийской области Таджикистана. Тем самым обеспечивается связь густонаселённых территорий Ферганской долины без полной зависимости от Узбекистана и, по большому счёту, возможность вступления Таджикистана в Таможенный Союз / Единое Экономическое Пространство / Евразийский Союз. В настоящий момент Таджикистан обеспечил круглогодичное автомобильное сообщение между Душанбе и Худжандом после введения в эксплуатацию тоннеля Шахристан (протяжённость 5 км) и за счет мультимодальных перевозок может также подключить свою южную часть к железнодорожной сети будущего Евразийского Союза в обход Узбекистана.

Фактически железнодорожная линия «ЗТ» (Тараз — Талас — Токтогул) выполняет очень важную роль — она соединяет суще-

ствующую железнодорожную сеть Казахстана с каскадом «больших» киргизских ГЭС на реке Нарын. Это дает возможность «зачесть» стоимость логистических затрат по подвозу материалов и оборудования на строящуюся ГЭС за счёт более дешёвой перевозки по железной дороге, с одной стороны. А с другой — электрифицированная железная дорога сама по себе является крупным потребителем электроэнергии. Вести ЛЭП там, где её нет, вдоль железной дороги, также дешевле, нежели прокладывать в чистом поле. И самое главное: создаётся инфраструктура по разработке и первичной переработке полезных ископаемых в определённом радиусе от железной дороги / ГЭС. Это идеальная площадка для металлургов, так как можно ставить ГОКи и просчитывать оптимальные варианты под электролизный завод или иные энергоёмкие производства. В качестве примера — мощные залежи нефелиновых сиенитов (месторождение Сандык) позволяют при наличии дешёвой электроэнергии и железной дороги смело выходить на рентабельное производство алюминия и обширного списка сопутствующей продукции. Не зря вокруг Сандыка (не зная тюркских языков и так понятно, что речь идёт о Сундуке, то есть богатство здесь по умолчанию) вертится небезызвестный господин Пол Вулфовиц сотоварищи. Причём он смог собрать под своё крыло некое интернациональное братство, включая неназванные китайские и даже российские компании. Только вот они хотели подключиться в этом случае к Китайско-Киргизско-Узбекской железной дороге, а это автоматически снижает интерес собственно российского и казахстанского бизнеса (и государств, соответственно) по данным проектам.

В случае контроля над электроэнергией и железной дорогой со стороны евразийских союзников очевидным становится факт разработки месторождения и строительства Кыргызского электролизного завода («Калко» по аналогии с таджикским «Талко»).

Таким образом, совместное вхождение пула энергетиков, железнодорожников и металлургов будет в максимально эффективном взаимодействии. Это необходимо поддержать хорошо проработанным законом о государственно-частном партнёрстве

Кыргызской Республики, а также всемерно поддержать льготным и долгосрочным кредитованием по всем капиталоемким направлениям, а также разработать отдельную программу финансирования и поддержки субподрядчиков всех трёх составляющих триады — железной дороги, ГЭС и металлургического производства.

В случае реализации строительства транскиргизской железнодорожной магистрали из Казахстана через Киргизию в Ферганскую долину, концессионер (построивший данный объект и осуществляющий его последующую эксплуатацию, владея им на праве собственности, срок действия которого будет исчисляться минимум в 50–100 лет) получит одновременно очень сильный рычаг влияния сразу на всю Ферганскую долину с населением более 12 млн жителей. Возможность предоставления прямого железнодорожного выхода из транспортного Ферганского тупика до границы с Казахстаном сделает даже «упёртых» оппонентов более сговорчивыми и скорректирует их ориентацию в северном направлении.

Если нет, то рано или поздно прокладку железной дороги к Ферганской долине сделает с востока Китай, который в таком случае, безусловно, сориентирует политику стран региона и все минеральные ресурсы в ЦА в своём направлении. Как показывает практика, Китай в таких случаях действует технично, жёстко и прагматично, не оставляя выбора стране-партнеру, включая даже РФ и США.

Налицо два сценария действий России в Средней Азии и проекция этих сценариев через инфраструктуру.

Первый сценарий — «Южная граница интересов России в регионе — южная граница Казахстана». Подход заключается в том, что страны Средней Азии рассматриваются как «антиалибское предполье», они не являются приоритетом в российской политике и требуют лишь точечных инвестиций и регулирования потоков мигрантов из этих стран в Россию. Данный подход имеет право на жизнь в условиях большого количества нерешённых проблем в самой РФ и, по большому счёту, в Белоруссии и Казахстане.

Если брать географически и в военно-пограничном аспекте, то в этом действительно есть свой резон. Южная граница Казахстана проходит с запада на восток с Туркменией (379 км по данным «CIA factbook» и далее — автор), Узбекистаном (2 203 км) и Киргизией (1 224 км). Итого 3 806 км общей «южной» монограницы стран Таможенного Союза / ЕЭП / будущего «Евразийского Союза трех». Таджикистан имеет общую границу с Афганистаном 1 206 км, Узбекистан — 137 км, Туркменистан — 744 км. Также Туркмения граничит с Ираном — 992 км. Общее «удлинение» границ с Китаем дают Киргизия и Таджикистан — это 858 и 414 км соответственно. Таким образом, общий периметр бывшей «южной» границы СССР без учёта казахстанско-китайской границы 3 079 км и 4 351 км с учётом границы стран Средней Азии с Китаем. То есть, без учета фактора границы с Китаем, происходит «сужение» почти на одну тысячу километров. Однако, если учитывать нейтралитет Туркменистана и неопределённую позицию Узбекистана, при вхождении Киргизии и Таджикистана в Таможенный Союз и Евразийский Союз, то Россия и её евразийские союзники получают вновь прямую стыковку с Афганистаном 1 206 км, китайское «плечо» 1 272 км и общую границу Таджикистана и Киргизии с Узбекистаном 2 260 км (1 161 км и 1 099 км соответственно) помимо казахстанско-туркменской и казахстанско-узбекской границы. То есть либо «брать все», либо не «брать вообще» — интересная дилемма с военно-пограничной точки зрения. Худо-бедно граница с Афганистаном у трёх стран Средней Азии охраняется, возможно, что в этом плане действительно есть аргументы в границе «Казахстан — Средняя Азия», и это соответствует в целом сегодняшним тактическим интересам РФ.

С другой стороны, как писали в 2011 году товарищи из Stratfor: «В этом регионе Российская империя на более поздних этапах своего развития, а за ней и Советский Союз имели укрепления на ряде горных хребтов, в пустынях и около водоемов, и имели великолепную оборонительную позицию. Начиная у северо-западных границ Монголии и двигаясь на юго-запад через Киргизию и Таджикистан, империя охранялась северным продолжением

Политическая карта Центральной Азии

Гималаев, Тянь-Шаньскими горами. На западе, от границ Афганистана и Ирана до Каспийского моря, империя оккупировала низменности у горных границ. Но эти низменности, за исключением маленькой области на границе с Афганистаном, были безжизненной пустыней, которую не могли пересечь крупные военные силы. Отрезок на границе с Афганистаном был более проходим, что привело к давно испытываемой Россией тревого по поводу угроз в Афганистане — со стороны внешних или местных сил. Каспийское море охраняло границу с Ираном, а на его западном побережье начинались Кавказские горы, которые империя делила с Ираном и Турцией, но через которые было трудно пройти в любом направлении. Кавказ заканчивался на Чёрном море, таким образом полностью защищая южные границы империи. Эти регионы были гораздо более полезны России, чем Сибирь, и могли бы стоить попыток захвата, но в виде исключения география здесь помогла России, а не действовала против нее».

В экономическом плане все гораздо сложнее. При распаде СССР разрушились многочисленные народнохозяйственные связи. Восстановление экономики России показало, что ряд ключе-

вых сырьевых позиций являются важными во всех отношениях. Особенно это касается урана и редкоземельных металлов. То есть в рамках сценария «не брать Среднюю Азию на “полное довольствие”», всё равно надо инвестировать в данные отрасли. И, конечно же, водно-энергетический блок противоречий в регионе является не просто возможностью модерировать геополитический процесс через строительство ГЭС в Киргизии и Таджикистане, но и получить собственно более-менее рентабельные бизнес-проекты. В этом сценарии нет места ни одному российскому транспортному проекту. Они попросту не вписываются в канву. Пусть строят китайцы. И все остальные. А России это неинтересно в целом. Пока неинтересно.

Второй сценарий — «военно-инфраструктурный».

Характер российского присутствия в Центральной Азии в этом случае должен быть военно-экономический. Войти, исходя из геополитических интересов, открыть через механизм государственно-частного партнёрства ворота для крупного российского и международного бизнеса, зафиксировать присутствие через долгосрочные и многоуровневые договорённости (государственные структуры — корпорации — банки — законодательство стран ЦА) и закрепить всё это военным присутствием в привязке к конкретным проектам в регионе.

Фактически речь идёт о стратегии вхождения не триадой «железная дорога — энергетика — металлургия», а «тетрадой» (по аналогии с «триадой», но с четырьмя элементами), где в центре композиции появляется военная база. Возможно, легче представить конфигурацию не очень привычным термином «тетрада», а визуализировать объёмной фигурой — тетраэдром. Кстати, в этом случае мы получаем 4 треугольника, то есть жёстких по умолчанию фигур. Только таким образом можно защитить инвестиции, и этот путь не просто традиционен, он носит характер имманентный для российского менталитета и освоения евразийского пространства. Сегодняшние тетрады / тетраэдры могут стать единственной формой успешного приземления российских инвестиций в Средней Азии. Где-то этот подход проскальзывает

в реальных проектах РФ в Кыргызстане и Таджикистане, однако прямо об этом не говорится. Хотя как раз-таки честное обозначение было бы на пользу всем — и местным элитам («отобъём инвестиции, получим прибыль — тогда уйдем, пока уважай силу»), и собственно российским операторам — всё же человек с ружьём свой, защитит. Это, кстати, неплохо коррелирует с планами перевооружения и укрепления армий двух дружественных среднеазиатских стран. В отношении Узбекистана и Туркменистана военно-экономический сценарий носит характер фактической демонстрации силы. Милитаризация Узбекистана за счёт США, превращение самой крупной и густонаселённой страны в американский форпост в регионе не очень по вкусу старому режиссёру — Москве, а новый спонсор эффектных региональных инвестиционных проектов — Пекин — тоже не в восторге. Туркменская партия в геополитических шашках Го ещё более туманная.

С одной стороны, концепция единства с турками, выраженная формулой «одна нация, два государства», с другой — игра со всеми основными геополитическими акторами по их правилам. В частности, очень важный транспортный проект в регионе, а именно строительство железнодорожной магистрали вдоль восточного побережья Каспия (928 км по территории Казахстана, Туркмении и Ирана «Узень — Кызылкая — Берекет — Этрек — Горган») фактически заблокирован туркменской стороной не без давления со стороны США и Турции. Причём казахстанская сторона свои 146 км построила в кратчайшие сроки. Ну и как в подавляющем большинстве инфраструктурных проектов в Центральной Азии, в этом проекте российских интересов нет. А зря. Этот маршрут является стратегическим для двусторонних российско-иранских отношений. Понятно, что наличие морских коммуникаций на Каспии позволяет напрямую отгружать из Астрахани или Лагани в Энзели, но навигация не круглогодичная, да и затраты на перегруз тоже важный фактор. Так что есть над чем поработать российской стороне в Туркмении не только по нефтегазовым проектам.

Возвращаясь к теме вхождения России в Среднюю Азию тетрадой / тетраэдром «энергетика — металлургия — железные доро-

ги — военная база», необходимо подчеркнуть важность ее институционализации. Восток — дело не тонкое, а чёткое. Здесь понимают язык силы, но уважают не того, кто её применяет, а кто ее имеет, но не применяет по любому поводу. Наличие чётко обозначенной привязки российских военных баз к стратегическим российским же экономическим объектам в регионе быстро охладит особо горячие головы и, с другой стороны, облегчит вхождение российских компаний в регион. Не зря проект Корпорации развития Центральной Азии (в некоторых источниках речь вели о Корпорации развития именно Средней Азии) был предложен антинаркотическим (силовым) российским ведомством. Правда, ни в одном из вариантов проекта не шла речь о прямом военном сопровождении экономических интересов, хотя именно прямое указание эффективно в данном случае. Да и давно о самом проекте Корпорации развития ЦА тоже не слышно, кроме эпизодических заявлений и фантастических цифр потенциальных инвестиций в регион.

Здесь очень важную роль играет фактор понимания российскими элитами и большинством граждан значения Центральной Азии для России и её политики в регионе. Когда обыватель понимает, что страна не просто абстрактно защищает далекие рубежи Родины в ныне независимых бывших советских республиках, а системно обеспечивает безопасность экономических интересов российских государственных и частных компаний в данных странах, то восприятие будет значительно меняться к лучшему. Кстати, во многом изменится отношение и к представителям этих стран, работающим в России, как ни парадоксально. Обратно от лирики к физике — надо называть вещи своими именами, и тогда многое можно решить. Фактически в сегодняшней политике России в регионе мы видим только две составляющие — гидроэнергетические проекты в Кыргызстане и Таджикистане и военные базы, однако без целеуказания прямо защищать экономический интерес России в регионе. А по железным дорогам и металлургам тишина... точнее говоря, по российским проектам строительства железных дорог не только в Средней Азии, но в Казахстане пол-

ная тишина. Прощупывание потенциально интересных проектов «южнее» осуществляется российскими компаниями в сотрудничестве с казахстанскими партнёрами, которые, по мнению российских инвесторов, лучше чувствуют пульс и могут работать в среднеазиатских системах координат. Но это, увы, не относится к железнодорожным проектам.

Без железных дорог к месторождениям и дешёвой электроэнергии сложно запустить в рентабельном режиме энергометаллургические кластеры (включая урановые проекты), а за ними, в первую очередь, будущее в регионе. Знаменитые советские территориально-производственные комплексы во многом себя оправдали. Кстати, Южно-Таджикский ТПК должен был, в своё время, стать образцовым. Надо отдать должное, при независимости Таджикистан смог завершить строительство железной дороги Курган-Тюбе — Яван.

Таким образом, в нашей тетраде/ тетраэдре сейчас отстающее звено именно российские железнодорожники. Без них трудно говорить о следующих важных моментах.

1. Военная логистика. Уповать на храбрых десантников, которые свалятся с неба и быстренько наведут порядок, не стоит. Должна быть нормальная военная логистика для нормальных военных баз. Кстати, это самодостаточный бизнес.
2. Логистика сырья, полуфабрикатов и готовой продукции. Без неё любой серьёзный проект по добыче сырья и переработке на местах уязвим и может оказаться экономически нерентабельным.
3. Самодостаточность электрифицированной железной дороги. Такая дорога имеет важное значение как крупный потребитель для «энергетического» участника тетрады/ тетраэдра.
4. Транзитный потенциал. Построив ту или иную дорогу в целях поддержки крупных горнорудных и металлургических проектов, необходимо обеспечить возможность ускорения окупаемости железной дороги через её задействование во внутрирегиональных или международных транзитных пе-

ревозках. Особенно это актуально как раз-таки в Средней Азии, где советская железнодорожная сеть оказалась порезанной на отдельные куски, не связанные между собой. Ряд комплексных проектов в Таджикистане и Киргизии могут одновременно вытянуть и собственно формирование транспортных коридоров, которые будут замкнуты через казахстанские железные дороги с российскими. Построили ту или иную железнодорожную ветку, допустим, в проекте разработки месторождений нефелиновых сиенитов, замкнули её на мощном электролизном заводе, перерабатывающем данное сырьё в алюминий, а далее данная железнодорожная ветка выходит на густонаселённую долину, где располагается военная база. Соответственно, железнодорожная линия стыкуется с существующей сетью железных дорог в разных частях страны, тем самым «сшивая» её и одновременно обеспечивая выгодный транзит грузов и пассажиров.

Таким образом, в рамках стратегии «тетрады / тетраэдра» сейчас России нужно максимальным образом активировать фактор строительства железных дорог в странах Средней Азии как самодостаточного (в режиме концессии можно влиять на все стороны жизнедеятельности в регионе), так и обеспечивающего полноценное развитие крупных горнорудных, гидроэнергетических и производственных проектов с упором на энергоёмкую металлургию.

Китай не дремлет. За 20 лет после распада СССР в новые независимые страны Центральной Азии, включая Казахстан, китайской стороной инвестировано порядка \$ 40 млрд. Проекты Китая в Центральной Евразии также носят характер практической реализации знаменитой стратагемы — «бросить кирпич, чтобы получить яшму». И в этой картине мира Россия имеет, к сожалению, высокие шансы остаться не у дел. И потенциальное «позднее» возвращение в регион может быть наихудшим вариантом, а именно совместной выплатой будущего Евразийского Союза по суверенным и корпоративным долгам Киргизии и Таджикистана, которые образовались от строительства инфраструктурных объектов на китайские инвестиции. А это, по меньшей мере, глу-

по. Скупой платит дважды. Поэтому Россия может и должна развивать инфраструктуру в Центральной Евразии в своих интересах, которые сейчас, по большому счёту, совпадают с интересами среднеазиатских стран. И ещё — в китайской нумерологии цифра 4 обозначает смерть, неудачу, китайцев зачастую называют тетрафобами. Поэтому тетрада / тетраэдр будет чётким знаком для основного соперника по инфраструктурным проектам в регионе о возвращении России в Среднюю Азию.